

В год 100-летия событий 1917 года особый интерес вызывают малоизвестные страницы отношения к этим событиям мастеров русской литературы. К их числу относится замечательный русский писатель Владимир Галактионович Короленко (1853–1921), которому в последние годы жизни выпало жить в Полтаве и увидеть воочию все катаклизмы и коллизии революционной смуты в России. Смена не менее десяти властей в городе и на Украине, язвы красного и белого террора, расцвет украинского национализма, полный развал экономики, наступление страшного голода, повседневная заступническая деятельность ради спасения людей из застенков сменявшихся то и дело властей, помощь детям и военнопленным – всё это пришлось пережить уже пожилому писателю, которому судьба подарила возможность стать очевидцем новой смуты и с высот русской классической литературы описать и оценить её, оставив для нынешнего времени бесценные свидетельства. Совсем недавно увидела свет книга историка, поэта и издателя **Сергея Дмитриева “Владимир Короленко и революционная смута в России. 1917–1921”**, в которой подробно изложена трагическая одиссея автора “Слепого музыканта”. Предлагаем вниманию читателей отрывок из этой книги, посвящённый двум периодам 1919–1921 годов: первый – когда в Полтаве правили белогвардейские власти и когда в город вновь вернулись большевики, а второй – это последние месяцы жизни писателя. Эти периоды в биографии Короленко известны намного меньше, чем конкретная история знаменитых “Писем к Луначарскому”, охватывающая лето и осень 1920 года (см. статьи и книгу С. Н. Дмитриева “Завет терпимости. Ленин и “Письма к Луначарскому” Короленко”. “Наш современник”, 1990, № 4. С. 174–190; “Праведник” и нарком”. “Москва”, 1990, № 4. С. 138–152; “Письма совести и веры. История “завещания” Короленко”. М., “Молодая гвардия”, 1991. С. 1–68). Надеемся, что публикуемые ниже страницы исследования историка внесут дополнительные факты, аргументы и свидетельства для решения извечного вопроса: почему же в годы революции и гражданской войны все-таки победили красные?

“Верно, что Россия не погибнет, а расцветёт, хоть мы последнего и не увидим. Пережить предстоит, конечно, ещё очень много. Кризис будет тяжёлый и бурный, но Россия – страна не только большая, но и с великими возможностями”.

В. Г. Короленко (1919)

Части Добровольческой армии под командованием генерала В. З. Май-Маевского вступили в Полтаву в ночь с 28 на 29 июля 1919 года, открыв новую страницу в бесконечной череде смены властей. В статьях и письмах этого периода Короленко оставил целый ряд ярких картин, прекрасно иллюстрировавших происходившее. В статье “Новая страница”, написанной по горячим следам прихода новых властителей, Короленко писал: “Полтава пережила ещё один переворот. К вечеру 15/28 июля большевики спешно эвакуировались. Это было более похоже на паническое бегство, чем на отступление... Отошли от Киевского вокзала последние эшелоны... Потом – небольшая канонада по городу, трескотня ружейных и пулемётных выстрелов... И вот в истории нашего города, пережившего так много переворотов, открывается новая страница.

Начало её – нерадостно. Когда я, на второе утро после занятия города, писал эти строки, кругом шёл сплошной погром и грабёж... Сегодня (на третий день) вести опять нерадостные: сплошной грабёж ещё продолжается на некоторых улицах. Впрочем, появился приказ, воспрещающий грабежи и грозный расстрелами грабителей на месте. Два случая таких расстрелов уже имели место на третий день.

Перед уходом большевиков они отпустили из тюрем 150 красноармейцев, конечно, сидевших за более или менее тяжкие уголовные преступления. Потом пришла какая-то загадочная повстанческая банда, разгромила тюрьму и арестантские роты и выпустила всех заключённых с самым мрачным прошлым. При этих условиях жители ждали скорейшего занятия города, надеясь на защиту войск. Надежда не оправдалась: военные отряды дают тон, а худшие элементы города идут навстречу погромному течению... Да, нерадостно началась новая страница местной истории, омрачившая первые дни того режима, которого, несомненно, многие ждали как начала эры твёрдой законности и устойчивого права. Права широкого, охватывающего одинаково все нации, все исторически сложившиеся классы, все слои существующего общества. Теперь и эти люди спрашивают себя: с этого ли должна начаться новая эра? Когда же рассеется эта туча узкого ненавистничества, погромов и слёз?” (*Неизданный Короленко. Дневники и записные книжки. 1919–1921. М., “Пашков дом”, 2013. С. 23–25*).

Короленко вновь и вновь напоминал о необходимости возвращения к заветам человечности: “. . . Вся жизнь проникнута уже и проникается всё более признаками озверения и бесправия... Я уверен, что знамением власти, которой суждена конечная победа в этой ужасной борьбе, раздирающей нашу несчастную родину, будет обращение к человечности и праву.

И теперь я скажу тоже: вспомните великое “сим победиши”. Это указание, обязательное для власти, признающей себя христианской, было сделано тоже во время войны... Но оно напоминало, что и в самой войне нужно помнить великие заветы христианской любви и справедливости.

Да победит тот, кто скорее других вспомнит в наше жестокое время о лучших заветах, выработанных веками человеческой истории...” (*ОР РГБ, ф. 135/1, к. 17, д. 1000, л. 2*).

И как это всегда было свойственно писателю, он не остановился на абстрактном провозглашении заветов добра и нравственности, а вновь лично погрузился в дело борьбы с репрессиями. Уже в первый день власти белых 29 июля Короленко отправился в их штаб, где состоялся его показательный разговор с одним офицером: “Я не пускаюсь в споры и говорю только:

– Вероятно, вы согласитесь, что честь армии, которой вы являетесь представителем, требует прекращения грабежей и насилий.

– Это будет сделано. Уже набирается объявление, которое будет расклеено по городу. Мы восстановим “вашу думу” и милицию, но – нужно же время... Мы грабежей не допустим.

Спасибо и на том. Ухожу, выносы впечатление вроде того, какое испытывал при разговорах с петлюровцами...” (*Неизданный Короленко. Дневники и записные книжки. 1919–1921. С. 116–117*).

А 31 июля Короленко со своим зятем К. И. Ляховичем отправились в белогвардейскую контрразведку, и писатель красноречиво рассказал об этом посещении в своём дневнике: “. . . Мы идём с Константином Ивановичем в это “осиное гнездо”, у дверей стоит кто-то вроде жандармского офицера и гово-

рит нам, что коменданта видеть нельзя. Но откуда-то со стороны я слышу голос: “Это писатель Короленко”, — и нас пропускают. Мы входим во второй этаж, спрашиваем коменданта. Его нет, нам указывают комнату, где есть его заместитель.

Здесь нас встречают с шумной приветливостью. Прежде всего, кидается ко мне Миролюбов, одетый в штатском. Он был арестован при большевиках. Я, а главным образом — Константин Иванович выручили его и его товарища. Он приходил к нам с благодарностями. Теперь он шумно приветствует нас обоих. Подходят ещё два-три офицера с такими же заявлениями... Тон, господствующий здесь, преимущественно юдофобский и проникнутый мстительностью к большевикам. “Мстить, расстреливать, подавлять, устрашать”... Когда мы сообщаем, что на улице до самого вечера лежал труп Ямпольского, расстрелянного по очевидному недоразумению, то некоторые изумлены.

— Как?.. Да ведь он был сегодня здесь?.. Я его знал. Безобиднейший человек...

Многие искренно возмущены. Среди других смущение... Эта искупительная жертва меняет настроение большинства. Они прислушиваются к тому, что мы говорим... Заведующий контрразведкой даёт слово, что больше бессудных расстрелов не будет и что он успокоит в этом отношении арестованных...

...Разнёсся слух, что последний (большевистский) эшелон не уехал... Началась канонада, и машинист сбежал. Все бросились с поезда враспынную. Говорят также, что где-то под Яреськами или Сагайдаком перехвачен поезд с исполнительным комитетом. Алексеев и Дробнис будто бы повешены... У меня сжимается сердце... (так Короленко жалеет именно большевиков. — **С. Д.**). В числе последних, стремившихся на вокзал, когда мы оттуда уезжали, я увидел Дитятеву. Эта молодая девушка, искренно убеждённая большевичка, прекрасная натура, детски чистая и преданная. Это она несла ночью два миллиона из казначейства для детских колоний. Она совершенно забывала о себе, думая только о других и о деле... Что-то теперь с нею?.. Какая судьба постигла этого полуробёнка, созданного из того психического материала, из которого создавались святые, и кинутого теперь в эту дикую свалку?..” (*Неизданный Короленко. Дневники и записные книжки. 1919–1921. С. 120–125*).

В этом отрывке очень примечательны детали: и настроение денкинцев, и авторитет писателя даже в среде белых, и желание его заступаться за недавних противников — большевиков, с которыми Короленко совсем недавно конфликтовал, причём очень сильно. Писатель надеялся, что полтавский Политический Красный Крест сможет работать в городе, хотя бы так, как это позволяли большевики. Но он встретил со стороны денкинского начальства явное непонимание. Писатель красноречиво рассказал об этом в статье “Власть или шайка. Письма из Полтавы”: “Через несколько дней по занятии Полтавы Добровольческой армией я вместе с П. С. Ивановской, товарищем председателя Политического Красного Креста, отправились в контрразведку. Политический Красный Крест — учреждение, нелегальное при самодержавии, — у нас в Полтаве легализировался ещё до большевиков и часто служил посредником между населением и разными “чрезвычайными” учреждениями. Большевики в Полтаве признали это посредничество, и хотя Чрезвычайная Комиссия косилась порой и выражала нетерпение на “неуместное вмешательство”, но П. С. Ивановской и мне лично удавалось всё-таки поддерживать посредническую роль...

...С приходом каждой новой власти нам предстояло, в сущности, делать то же дело. Страсти поворачивались теперь в другую сторону, объекты стали другие, но страсти оставались теми же страстями, часто слепыми и жестокими. Вопрос для нас состоял в том, пожелают ли эти новые власти прислушиваться к голосу “со стороны”, уже доказавшему своё беспристрастие и спокойное стремление к справедливости и смягчению жестокости? Труп учителя Ямпольского, весь день лежавший на улице, и, несомненно, расстрелянного “сгоряча”, “неизвестно кем”, — трагически красноречиво напоминал о необходимости такого нейтрального вмешательства. И мы с П. С. Ивановской пошли в контрразведочное бюро, чтобы определить новое положение Политического Красного Креста и знать, как нам отвечать на обращения местных людей, которых ураган междоусобия ударял теперь с другой стороны.

Нас принял начальник контрразведки, полковник Щукин, человек с видимой жандармской выправкой. Я не стану воспроизводить всего разговора,

происшедшего между нами, укажу только на одну черту, на мой взгляд, очень характерную. Едва я упомянул о роли Политического Красного Креста “при смене разных властей”, как полковник, подняв голос, сказал:

– Позвольте вам заметить, что вы напрасно говорите о смене властей. Власти до сих пор не было... Были лишь шайки разбойников...

Я тоже “позволил себе заметить” строгому полковнику, что знаю употребление русских слов и знаю, что когда та или другая группа приобретает возможность издавать декреты, признаваемые на огромном пространстве отечества, когда она на этом пространстве устанавливает свои учреждения, свои суды, приговаривает и приводит приговоры в исполнение, то я называю такую группу властью и думаю, что я прав... Так было при гетмане, так было при Петлюре, так было и при большевиках” (*Неизданный Короленко. Публицистика. 1919–1921. М., Пашков дом, 2013. С. 32–35*).

Однако все доводы писателя о том, что “при смене разных властей нам пришлось выполнять такую же роль посредников между этой властью и населением” и что это же самое следует делать и теперь, ни к чему не привели: “Сухо и довольно грубо он несколькими репликами дал понять, что пример большевиков ему не указ... Они наладили уже весь аппарат, который действует вполне беспристрастно и ничего больше ему не надо”, – записал писатель в дневнике 2 августа 1919 года. “Я ушёл с чувством, что через этого человека действительно ничего не сделаешь для смягчения дикого произвола”.

А уже 5 августа Короленко проиллюстрировал факты проведения в жизнь взглядов этого начальника Щукина: “Были только разбойники, а не власть. Кто помогал разбойникам, хотя бы в мирных и необходимых функциях, должен быть схвачен... Поэтому все должностные лица, бывшие при господстве разбойников, “сами разбойники”. На этом основании арестована целая группа земских служащих... И это в такое время, когда в городе действует шайка отпущенных из тюрьмы грабителей...” (*Короленко В. Дневник. Письма. 1917–1921. Сост. В. И. Лосев. М., “Советский писатель”, 2001. С. 244*).

Добавим здесь, что Короленко посетил также в начале августа начальника Полтавского гарнизона генерала Непенина, а в последующие дни он неоднократно встречался и с другими представителями властей, в частности, с вице-губернатором, офицерами контрразведки, в том числе по поводу деятельности Лиги спасения детей.

Поясим также, что Прасковья Семёновна Ивановская (1853–1935), по мужу Волошенко, была сестрой жены Короленко. За активное участие в деятельности “Народной воли”, подготовке убийства Александра II она была приговорена в 1883 году “по процессу 17-ти” к смертной казни, заменённой ей бессрочной каторгой. Каторгу отбывала на Усть-Каре и в Акатуе до 1898 года, затем до 1903 года жила на поселении. Вступив в боевую организацию эсеров, участвовала в подготовке ряда террористических актов, в том числе против В. К. Плеве. В 1905 году была вновь арестована, но вскоре освобождена благодаря заступничеству Союза союзов. В 1907–1913 годах жила в эмиграции в Румынии. Вернувшись в Россию, поселилась в Полтаве, активно помогала Короленко в его заступнической деятельности, являясь его заместителем в качестве председателя Полтавского Политического Красного Креста. После смерти Короленко стала председателем этого общества. В 30-е годы подвергалась репрессиям. Переписка Ивановской с Короленко началась ещё в 1886 году (см. *Письма В. Г. Короленко к П. С. Ивановской. М., 1930*), а их личное знакомство состоялось в 1903 году.

А создание самого Полтавского Политического Красного Креста было официально утверждено в конце ноября 1918 года. Его почётным председателем тогда был избран именно Короленко. После октября 1917 года отделения Политического Красного Креста создавались и в других городах России, в частности, в Москве (председатель Е. П. Пешкова), Петрограде (С. П. Швецов), Харькове (Л. Б. Сандомирская), беря на себя защиту лиц, страдавших от политического насилия, к которому прибегали все противоборствовавшие стороны. В архиве Короленко сохранился набросок обращения писателя к советским органам Полтавы от имени правления Полтавского Политического Красного Креста, сделанный в начале 1920 года, когда в Полтаве вновь воцарились большевики. В нём Короленко так освещал историю этой организации: “Политический Красный Крест возник ещё задолго до революции и имел в виду помощь всем заключённым в тюрьмы противникам царского прави-

тельства. Тогда он существовал нелегально. Члены его нередко арестовывались и высылались.

В послереволюционное время, когда возникла гражданская война, вновь явилась необходимость в учреждении, которое, становясь посредником между разными борющимися партиями, смягчало бы остроту этой борьбы во имя человечности, обязательной для всех партий. Легальное признание Красному Кресту удалось получить ещё во время гетманства, когда окружной суд утвердил его устав. Учреждение действовало легально уже во время занятия Полтавы войсками Директории. Первыми клиентами Красного Креста явились на этот раз лица, обвиняемые в “большевизме”. Таким образом, представителям Красного Креста и его Почётному Председателю удалось в последние дни петлюровской власти в Полтаве добиться отмены казни над привезёнными уже для этого из тюрьмы четырьмя приверженцами Советской власти, которые и были спасены.

Значение Политического Красного Креста при этих обстоятельствах было так ясно, что советские власти тоже признали это учреждение, и представители Красного Креста всё время получали доступ в тюрьмы и в разные советские учреждения (17 марта 1919 года писатель получил специальный пропуск в ГубЧК, сохранившийся в архиве. Он был частым гостем также в ревтрибунале и губисполкоме. — С. Д.). Понятно, что состав клиентов Красного Креста не мог не измениться, и ему пришлось теперь заступаться по большей части за так называемых контрреволюционеров, причём советские власти признавали это посредничество, и нередко Политический Красный Крест оказывал услуги делу выяснения истины и делу справедливости, а значит, и делу самой власти.

С приходом денкинцев преследования опять обратились против приверженцев Советской власти, которые дали первые жертвы “контрразведки” и бессудных расстрелов. Представители Политического Красного Креста опять выступили в роли защитников сторонников Советской власти, и им нередко удавалось смягчить по отношению к большевикам и украинцам действие добровольческой мести.

Таким образом, ясно, что роль Политического Красного Креста во время междоусобия является по-прежнему необходимой и важной, внося в отношения различных борющихся и сменяющих друг друга партий смягчающее начало и посредничество, не имеющее в виду никаких партийных целей, и доказав разным властям и самому населению свой нейтральный и междупартийный характер, апеллирующий лишь к справедливости и человечности, которая особенно полезна при смене разных режимов” (ОР РГБ, ф. 135/1, к. 35, д. 2155, л. 1–1 об.).

Однако не всё шло так гладко. Деятельности Политического Красного Креста неоднократно чинились различные препятствия, причём всеми властями. К примеру, в конце июня 1919 года собрание членов общества было оцеплено чекистами, и у всех присутствовавших был произведён обыск, в том числе у П. С. Ивановской. Факты свидетельствуют, что и в 1920–1921 годах члены Полтавского Политического Красного Креста, в первую очередь, Короленко и Ивановская продолжали свой скорбный труд, находя определённый, хотя чаще всего слишком незначительный отклик у большевиков. Согласно сведениям ГПУ, Полтавский Политический Красный Крест как организация был окончательно ликвидирован в сентябре 1922 года (см. *Память. Исторический сборник. Вып. 3. М., 1978. Париж, 1980. С. 537*).

Тезис о признании большевиков всё-таки властью, а не шайкой разбойников, прозвучавший из уст писателя в ходе разговора с полковником Щукиным, Короленко повторил в своей статье “Власть или шайка”, датированной 5 августа. И при этом писатель снова руководствовался принципами нравственности и терпимости, не желая всех, кто сотрудничал с большевиками, записывать во врагов: “Если была большевистская власть, то и те, кто в это время исполнял те или другие официальные обязанности, являлись лишь агентами “существовавшей власти”, и их действия подлежат обсуждению с одной точки зрения: как они ей служили. Совершали или не совершали преступления по существу?.. Если же это не власть, а только “преступное сообщество” (слова другого приказа) или “шайка разбойников”, как говорил полковник Щ[укин], тогда является преступлением уже самый факт службы и исполнения известных обязанностей, потому что всякое содействие разбойникам, хотя бы

и козвенно, есть несомненное преступление... Даже музыкант, "по мобилизации" участвовавший в оркестре, услаждавшем слух разбойников, тоже подлежит ответственности. И я знаю случаи, когда музыканты, мобилизованные советскими властями, принуждены были скрываться, как красноармейцы, действительно выступавшие против добровольцев..."

В этой же статье писатель ещё раз напомнил, что при большевиках у него вообще не было возможности публиковаться: "Большевики задушили независимую печать, оставив только официозы. Я никогда не работал в официозах, а некоторые приёмы "коммунистического органа" лишили меня всякой возможности прибегать к "Известиям" хотя бы с простыми письмами в редакцию. Значит, печать как орудие хотя бы местной гласности была у меня отнята. Оставалось "непосредственное воздействие" (*Неизданный Короленко. Публицистика. 1919-1921. С. 33-35*).

Об особой позиции писателя в качестве защитника заветов нравственности в тот период наиболее наглядно может свидетельствовать очень яркая статья Короленко "Трагедия бывших офицеров", написанная им 3 августа 1919 года. В ней было рассказано о расстреле белыми поручика Николая Николаевича Тверитинова за то, что "будучи мобилизован советскими властями, он своей отменю усердной службой снискал доверие высших агентов большевистского правительства и благодаря этому занимал ряд ответственных должностей в Красной армии", в том числе начальника штаба 4-й стрелковой Украинской дивизии. За все эти действия Тверитинов 29 июля был осуждён военно-полевым судом и расстрелян. Он просил о вызове свидетелей, которые могли бы установить обстоятельства, изменяющие картину его отношений с советской властью, но в вызове свидетелей ему было тогда отказано.

Как отмечал в своей статье Короленко, "этот пример характеристичен для истинно трагического положения бывших офицеров. Близкие к Тверитинову люди говорят мне, что он ждал прихода Добровольческой армии как избавителей от большевистского пленения. Он был "мобилизованный". При отходе большевистских войск он и не подумал уйти с ними... Что же теперь делать другим офицерам, мобилизованным большевиками? Не придётся ли им после этого урока уходить с большевиками и продолжать драться с Добровольческой армией, если не по убеждению, то для спасения своей жизни, нужной для их семей (у Тверитинова 8 человек детей). Правильна ли такая политика?"

Почему Тверитинов не ушёл от большевиков ранее, я не знаю. Многие бывшие офицеры, мобилизованные в Красную армию или в другие учреждения, не уходят просто потому, что они не герои, готовые пренебречь всем для той или другой идеи. За отсутствие героизма наказывать нельзя. На одном героизме нельзя построить широких объединений. Между тем, всё бывшее офицерство у нас теперь в положении подсудимых и угрожаемых. Полтава то и дело видит на своих улицах целые отряды из бывших офицеров, которых гонят в тюрьмы, как арестантов. Ещё недавно они были на подозрении у большевиков. Их хватили, сажали в тюрьмы, грозили расстрелами и порой расстреливали. Теперь их опять сажают в тюрьмы и опять расстреливают".

Короленко допускал, что "Тверитинов или другой мог примкнуть к большевикам, искренно увлечённый их лозунгами. Не надо закрывать глаза на истину: такие искренние люди есть и среди большевиков, и мне приходилось встречать их". Однако это не оправдывает крайних мер и озверения сторон: "Я знаю, что при нравах и обычаях междоусобной войны обе стороны расстреливают пленных офицеров. Всякая война ведет к озверению, а междоусобная война отбрасывает даже те смягчения, которые уже давно вошли в нравы войны международной. Я глубоко убеждён, что это вредно даже с чисто утилитарной точки зрения. Ко мне однажды пришёл со слезами на глазах солдат (всё равно какого лагеря). Он пошёл по убеждению, но увидел себя лицом к лицу с проявлениями озверения в виде расстрелов противника за убеждения и не мог помириться с этим: каждая казнь уже обезоруженного пленника, каждое убийство только за инакомыслие рождает новых противников, ослабляет энтузиазм со стороны лучших приверженцев".

"Что же сказать о казни, подобной казни Тверитинова? Он был у большевиков, но он не ушёл с ними, а пошёл навстречу добровольцам. Может быть, он тоже разочаровался, а может, просто был "не герой" и не сумел вырваться ранее. И вот его казнили... Какие чувства вызовет это в других бывших офицерах? Не должна ли эта казнь вызвать реакцию после первого радостного

порыва? И мне действительно говорят уже о том, что в среде этих “бывших” начинается реакция: начинают снимать погоны, начинают даже дезертировать” (*Неизданный Короленко. Публицистика. 1919–1921. С. 27–30*).

Как видим, Короленко не боялся встать на защиту офицера, пошедшего по тем или иным причинам на службу большевикам, и он прекрасно понимал возможные причины такого очень массового явления (вспомним в связи с этим, что, по данным многих исследований, не менее половины офицеров, служивших в царской армии и в российской армии периода Временного правительства, оказались в итоге на службе у большевиков).

В день казни Тверитинова Короленко был у начальника Полтавского гарнизона генерала Петра Петровича Непенина (1872–1932), генерал-майора, участника Брусиловского прорыва, и там он узнал, что приговор уже приведён в исполнение. На все увещевания писателя генерал ответил, “что он не вправе пускаться в соображения политического свойства о последствиях того или другого закона. Закон ясен. Инструкции тоже ясны. Он их только применяет, хотя и со стеснённым сердцем. И конечно, генерал был по-своему, по-военному, прав. Но я думаю, что этот “ясный закон” и ясные инструкции вносятся в кровавый туман, заволакивающий будущее нашего отечества, такую трагическую черту, которая только сгущает мрак.

Я считаю, что программа ген. Деникина, если её честно провести до конца, даёт приблизительно то, на чём могло бы, в конце концов, устояться разбушевавшееся море русской жизни для отдыха и нового движения. Но между всякой программой и её конечным выполнением лежит ещё преломляющая среда и, прежде всего, среда, проводящая эту программу. Важно поэтому, чтобы обозначились не только приемлемые цели, чтобы и средства применялись правильные. А то, что пережила Полтава в первые дни по занятию и что продолжает переживать теперь, кажется мне ведущим к результатам противоположным” (*Неизданный Короленко. Публицистика. 1919–1921. С. 29–30*).

Эти очень важные и принципиальные слова Короленко дают понять, что его отношение к личности генерал-лейтенанта А. И. Деникина (1872–1947) – главнокомандующего вооружёнными силами Юга России – не включало в себя лишь неприятие и отрицание данной исторической фигуры. То же самое говорят и дневники писателя. Так, 4 августа 1919 года Короленко записал: “Деникин в воззваниях и обращениях держится в разумных пределах... Но... вопрос, как будет проводиться эта умеренная программа”. 21 января 1920 года писатель вновь высказался на ту же тему: “Говорят, Деникин далеко не реакционер и есть среди добровольческих властей порядочные люди. Но весь вопрос в том, кто берёт перевес настолько, чтобы окрасить собою факты. Среди добровольцев такой перевес явно принадлежит реакции. Деникин пишет приказы о том, чтобы аресты не становились орудием помещичьей мести и их счётов с населением, а офицерство в большинстве сочувствует помещичьим вождениям” (*Негретов П. И. В. Г. Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917–1921. Под редакцией А. В. Храбровицкого. М., “Книга”, 1990. С. 124–125, 137*).

Ещё один пример сочувственного отношения писателя к Деникину присутствует в его фактической поддержке приказа генерала от 10 июля 1919 года, в котором говорилось, что “воинские части не могут принимать на себя обязанности разбираться в спорных правовых взаимоотношениях”, а “власти обязаны впредь до установления законного порядка предупреждать новые захваты прав, не разрешая прежних споров и не допуская насилий с чьей бы то ни было стороны и во имя чего бы то ни было. Урегулирование этого вопроса принадлежит государственной власти... Иначе взаимное озлобление будет расти, вместо одного насилия появится другое, и авторитет армии будет падать”. Писатель прокомментировал этот приказ такими словами: “В этом и в некоторых других обращениях новой власти намечалась линия поведения, которой нельзя не сочувствовать. Не надо новых насилий, не надо классовой мести и преждевременных счётов”.

Интересно также отношение Короленко к А. В. Колчаку, о котором он упомянул в своём дневнике 11 апреля 1919 года после очень важных слов, что большевики “в военном отношении самая сильная партия, и России, очевидно, суждено пережить внутренний кризис под флагом большевистского правительства. Оно есть существующий факт. Теперь ему противостоит только какой-то загадочный для меня сибирский Колчак, бывший адмирал, противо-

стоящий Красной армии на Восточном фронте. Что за фигура эта бывший адмирал, что противопоставляет он заманчивым для масс лозунгам большевизма, я не знаю. Знаю пока, что он расстрелял несколько меньшевиков, в том числе нашего сотрудника по “Русскому богатству” – Майского” (*Неизданный Короленко. Дневники и записные книжки. 1919–1921. С. 42–43*).

Этот отрывок из дневника писателя очень показателен, он демонстрирует, что, находясь в отдалении от центра России и тем более от Сибири, Короленко намного лучше знал, что происходит на Украине, и должен был часто довольствоваться слухами о происходившем в других частях страны. Естественно, что это не могло не приводить к ошибкам и неточностям в восприятии писателем далёких от него событий. Так, упомянутого расстрела меньшевиков при Колчаке в тот период в действительности не было, а В. Майский (псевдоним И. М. Ляховецкого, 1884–1975), которого знал Короленко, на самом деле не был расстрелян, в 1921 году он стал большевиком и прожил ещё более 54 лет!

Что касается “загадочного” для Короленко адмирала, то в его сибирской эпопее, которая, пожалуй, лучше всего была описана в фундаментальном труде “Трагедия адмирала Колчака” (М., “Вече”, 2016) замечательного историка С. П. Мельгунова, которого мы уже не раз цитировали, как в зеркале отразилась трагедия белого движения, проявившего чудеса смелости и упорства, но оказавшегося не способным противостоять большевистскому натиску. Колчак попытался подняться над партиями и политическими распрями, объявив себя спасителем Отечества, но привести своих сторонников к победе он оказался не в состоянии.

Вступив в должность Верховного правителя России в ноябре 1918 года, адмирал в тот же день отдал приказ: “Приняв крест этой власти в исключительно трудных условиях гражданской войны и полного расстройтва государственных дел и жизни, объявляю, что я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности. Главной целью я ставлю создание боеспособной армии, победу над большевиками и установление законности и порядка”. Через несколько месяцев власть Колчака была признана в качестве всероссийской правительством А. И. Деникина на юге, Временным правительством Северной области в главе с Е. К. Миллером, Северо-западным правительством С. Г. Лианозова – Н. Н. Юденича, верховным уполномоченным на Дальнем Востоке Д. Л. Хорватом и несколькими почти полностью автономными казачьими атаманами (Иванов – Ринов, Г. М. Семёнов, А. И. Дутов и др.).

Дальнейшая одиссея адмирала разворачивалась в бушующей Сибири, которая испытала на себе всю тяжесть проклятия, висевшего над Россией. Колчак, любивший повторять: “Дисциплина есть основание свободы” и “Мы рабы положения”, никак не может восприниматься в качестве главного реакционера так называемой “русской Вандеи”, а, наоборот, должен расцениваться как человек, сдерживавший сползание режима в сторону “реставраторства”. “Колчаковщина” появилась задолго до Колчака, и он в ней был совсем неповинен.

Что касается союзников колчаковских сил, в особенности чехов, то их двусмысленная роль в развитии событий, оригинальная “нейтральность”, переросшая, в конце концов, в прямое предательство ими и самого адмирала, и его дела, показательна сама по себе. Истоки такого поведения интервентов Колчак определил как-то в одном доверительном разговоре: “Моё мнение – они (союзники) не заинтересованы в сильной России... Она им не нужна”.

Особую роль в приближении “сибирской катастрофы” сыграли эсеры, деятельность которых не позволяла часто определить, где кончались они, а где начинались большевики. Их дезорганизаторская работа в тылу армии, которая сражалась с большевиками, явилась едва ли не главной причиной крушения дела Колчака.

Признавая многие грехи адмирала, на которые намекал Короленко, необходимо снять с него надуманную вину в том, будто бы за все ужасы, творившиеся в Сибири, ответственен он сам. Гораздо больше для понимания как белого, так и красного террора даёт признание общей ответственности за ужасы гражданской войны, о котором, вспомним, не раз писал Короленко. На “военную сторону” поражения Колчака обратил внимание в своём дневнике ещё барон А. Будберг, исполнявший некоторое время обязанности военного министра в правительстве Колчака. Одну из основных причин крушения его власти

Будберг видел в том, что «какой-то злой рок» преследовал адмирала «в составе его главнейших помощников». «Всё горе в том, — писал барон 11 мая 1919 г., — что у нас нет ни настоящего главнокомандующего, ни настоящей ставки, ни сколько-нибудь грамотных старших начальников. Адмирал ничего не понимает в сухопутном деле и легко поддается советам и уговорам... во всей ставке нет ни одного человека с мало-мальски серьёзным боевым и штабным опытом; всё это заменено молодой решительностью, легкомысленностью... презрением к противнику и бахвальством».

7 июня того же года Будберг дополнил эту картину новыми штрихами: «Адмирал, по-видимому, очень далёк от жизни и — как типичный моряк — мало знает наше военно-сухопутное дело... Между тем, по всему чувствуешь, что этот человек остро и болезненно жаждет всего хорошего и готов на всё, чтобы этому содействовать, но отсутствие знания, критики и анализа не даёт ему возможности выбиться на настоящую дорогу; личного и эгоистического у адмирала, по-видимому, ничего нет... По внутренней сущности, по незнанию действительности и по слабости характера он очень напоминает покойного императора» (*Гуль Р. Ледяной поход. Деникин А. И. Поход и смерть генерала Корнилова. Барон А. Будберг. Дневник. М., 1990. С. 233, 237, 238, 251-252, 272-274*).

Примерно такую же, но ещё более критическую оценку личности «верховного правителя» можно встретить в интересной книге генерал-лейтенанта Д. В. Филатьева (1866–1932), являвшегося в конце 1919 года помощником главнокомандующего колчаковской армии, под названием «Катастрофа белого движения в Сибири. 1918–1922. Впечатления очевидца» (*Париж, 1985*). Отдав должное несомненным достоинствам Колчака («благородный рыцарский характер», «смелый и скромный» человек с «необычайной энергией, исключительным знанием дела» и т. д.), Филатьев отмечал, что исследователи минувшего никогда не найдут в деятельности адмирала одного: «злой воли или себялюбия. С этой стороны Колчак кристально чист; до конца своих дней он оставался чистым идеалистом и убеждённым рабом долга и служения Великой России».

И можно только согласиться с генералом, что «не вина Колчака, если он — выдающийся моряк — оказался совсем несведущим в военно-сухопутном деле и вынужден был слушать советы других, которые оказались не на высоте задачи. Не его также вина, что на его плечи свалилось огромное дело, требовавшее большого и всестороннего опыта по гражданскому управлению, какового опыта у него быть не могло и не оказалось у его помощников. Он не искал власти, она сама к нему пришла вследствие ореола, которым было окружено его имя задолго до того, как он случайно оказался в Омске в момент избрания диктатора. Трагедия Колчака, а вместе с тем и трагедия России, — писал Филатьев, — явилась результатом чрезвычайно сложной и запутанной обстановки и совокупности самых разнородных сил, тянувших общее дело в разные стороны» (*указ соч. С. 16-17*).

В своей книге Филатьев, в сущности, вынес адмиралу очень суровый приговор. По словам генерала, дело, за которое взялся Колчак, «оказалось ему не по силам», он его «бессознательно погубил», сумев «растратить доставшееся ему богатое имущество без славы, без почестей и без ратных подвигов» и не сделав «ничего за недостатком знания, умения и твёрдости характера». Думается, мы должны прислушиваться сегодня и к этим оценкам, доносящимся из среды русской эмиграции первой волны, чтобы не броситься из одной крайности безоговорочного очернения личности Колчака в другую крайность его безудержного возвеличивания. Вероятно, Короленко, относившийся к фигуре Деникина более взвешенно и объективно, чем ко всему движению белогвардейцев, точно так же мог бы отнести и к Колчаку, если бы он не понаслышке знал, что же на самом деле происходило в Сибири.

Особый интерес для нашего повествования упомянутая книга Филатьева вызывает ещё и потому, что в ней автор попытался суммировать те ошибки и промахи адмирала и его помощников, которые привели к катастрофе белого движения в Сибири. Назовём лишь основные из них, понимая, что в той или иной степени они проявились и на Украине: разгул «атаманщины», разлагавший армию и тыл, выбор неверных стратегических планов и направлений наступательных действий, череда различных более мелких военных упущений, несдержанные, «по линии наибольшего сопротивления», отношения

Зачастую появлению “врагов в тылу” — среди рабочих и крестьянства, — разложение чешских и союзнических частей...

Короленко, отрицательно относившийся к белогвардейцам, ставил им в вину так же, как он это делал по отношению к большевикам, забвение заветов нравственности. Свою упоминавшуюся ранее статью “Трагедия бывших офицеров” он закончил призывом “вспомнить не только о стратегии и трофеях, но и о таких высших и более широких началах, как свобода и справедливость... Я уверен, что этот призыв уже носится в воздухе, рождаясь в глубине истерзанных и стосковавшихся сердец. И не следует говорить: “Сначала победа, а потом подумаем о справедливости, свободе, гуманности и тому подобных началах...” Это как раз та формула отсрочки, с которой погибла царская власть: сначала успокоение, а потом реформы! Нужно, чтобы сразу было видно, куда стремится новая власть. Если в её программу входит свобода печати, то нужно иметь мужество выслушать её свободный голос, хотя бы и в неприятном деле.

Говорят, в последние дни получена из южного центра телеграмма, чтобы смертные приговоры над офицерами не приводились в исполнение без утверждения главнокомандующего. Есть, значит, надежда, что эти ненужные расстрелы будут прекращены” (Короленко В. *Была бы жива Россия! Неизвестная публицистика. 1917–1921. М., “Аграф”, 2002. С. 224*).

В начале августа 1919 года Короленко ещё надеялся на благоразумие белогвардейской власти, но далее улучшения так и не наступило. Наоборот, множились самые отрицательные примеры. И давала их не только Полтава, а приходившие из других мест новости о политике белогвардейцев. Ещё 17 (29) апреля 1919 года Короленко записал в дневнике: “23 апреля вечером приехала Дуня из Одессы. Рассказывает о безобразиях, которые происходили в Одессе при добровольцах и союзниках. В Одессу съехалось всё денежное и, наряду с большой нуждой, царит безумная роскошь. Тут собрались реакционеры со всей России... Происходили расстрелы (это, кажется, всюду одинаково), происходили оргии наряду с нуждой, вообще Одесса дала зрелище изнанки капитализма, для многих неглубоко думающих людей составляющей всю его сущность” (Неизданный Короленко. *Дневники и записные книжки. 1919–1921. С. 52*).

Как видим, Короленко здесь не жалуется тот самый капитализм, апологеты которого победили в России в феврале 1917 года, но потом утратили свою власть. При этом у писателя нашлась ложка дёгтя и для “союзничков”, к которым он относился отрицательно, видя, что они ничуть не думают об интересах России, а лишь преследуют свои корыстные цели: “Союзники” довольно неблагоприятно поступили с добровольцами и своими приверженцами. Они, не предупреждая население, сдали Одессу без боя. Всё явно контрреволюционное, с большевистской точки зрения, наскоро кинулось на транспорты и пароходы. За места дрались невероятные цены... Полное озверение. И каждая сторона обвиняет в зверстве других. Добровольцы — большевики. Большевики — добровольцев... Но озверение проникло всюду” (там же. С. 53).

И писатель не был бы писателем, если бы к этим выводам не добавил яркую художественную зарисовку примеров белогвардейских “подвигов”, которая скажет читателю больше, чем все теоретические рассуждения: “Когда Дуня ехала из Севастополя в Одессу (ранее), ей пришлось сидеть в вагоне с добровольческими офицерами. Конечно, нельзя сказать, что это общий тон, но тон их разговоров был ужасен. Между прочим, один очень игриво рассказал, как был взорван мост вместе с поездом большевистского Кр[асного] Креста. Рассказчик игриво передавал, как в воздухе мелькали юбки сестёр милосердия. И протестов против этого рассказа не слышалось... Другие поддерживали разг[овор] в этом же роде...”

Один рассказывал, как “он” убежал (большевик). “А сапоги на нём были хорошие, а на мне рваные. Нет, думаю, не убежишь. Целюсь. Хитёр, бестия: бежит всё зигзагом. Два раза выстрелил, не попал. За третьим разом кувыркнулся” (там же).

Короленко очень щепетильно относился к тому, чтобы его никак не связывали с белогвардейцами, и можно понять возмущение писателя, когда в середине августа 1919 года в газетах появилась дезинформация, что писатель якобы присутствовал на каком-то “парадном банкете” добровольцев.

“Я на банкете не был, — отметил писатель. — Должен прибавить, что я с давних пор не принимаю участия в публичных банкетах”. При этом Короленко упомянул “известные обстоятельства” белогвардейских бесчинств (*Летопись жизни и творчества*. С. 127).

Практика тех дней заставила писателя вспомнить о старой показательной истории: “Когда-то давно, ещё в 90-х годах прошлого столетия, когда я жил в Нижнем Новгороде, у меня был произведён обыск. Никакого резонного повода для него, очевидно, не было, и я к этому давно привык. Но всё-таки обыск в квартире, произведённый в присутствии понятых и привлёкший внимание соседей, казалось мне, должен иметь какое-нибудь более или менее резонное объяснение. Я пошёл объясниться с жандармским генералом Познанским.

На мой негодующий вопрос генерал, по-видимому, всё-таки несколько сконфуженный, попросил меня пройти в соседнюю комнату и указал средних размеров сундучок, плотно набитый бумагами.

— Знаете, что это такое? — спросил он. — Это все доносы, анонимные и неанонимные. И доносы не от наших официальных агентов, а... от обывателей-добровольцев...

— Охота же вам обращать внимание на это негодяйство...

Он пожал плечами.

— Большую часть мы и оставляем без внимания. Но всего оставлять без внимания нельзя... Вот такой донос поступил и на вас, и я должен был произвести обыск... Мы сами во власти доноса...” (*Неизданный Короленко. Публицистика. 1919–1921. М., “Пашков дом”, 2013. С. 40–41*).

Это отрывок из статьи Короленко “Власть доноса”, написанной им 7 августа для осуждения “подлой и безнравственной” практики доносительства, имевшей место и при большевиках (“чрезвычайка, в которой слонялись разные люди, порой, пожалуй, недурные, так до конца не освободилась от власти доноса”), и при белых: “Эта гнусность, этот доносительский яд составляет самостоятельную и очень вредную силу. Есть разные борющиеся стороны: большевики, петлюровцы, добровольцы. Есть махновцы и григорьевцы, ведущие свою особую линию. И есть ещё доносчики, перекидывающиеся со своим гнусным оружием то на одну, то на другую сторону. Это не борьба в пользу той или другой идеи. Это орудие сведения личных счётов.

У нас в Полтавщине был один разительный случай такого рода. Ссорились два брата, и ссора приняла, как это часто бывает, самый ожесточённый характер. Когда пришли большевики, один из братьев донёс на другого, что он — контрреволюционер... “Ну вот... Посиди-ка, дружок... Будешь знать...” Потом он образумился и пошёл в местную чрезвычайку, чтобы снять оговор... Оказалось, что уездная чрезвычайка не дремала: ему сообщили, что контрреволюционер уже расстрелян...

И всякая “перемена власти” ведёт за собой новую вспышку доносничества. Теперь у нас гуляет лозунг: “Вот комиссар... Лови комиссара”. Приказ о том, чтобы все, кто знает места пребывания “комиссаров”, непременно об этом доносили, особенно раздувает эту вспышку... Но рвение доносителей не знает пределов... В первые же дни, когда ещё не стихло впечатление канонады и перестрелки, когда не знающие местных обстоятельств добровольческие власти оглядывались по сторонам, опасаясь притаившихся врагов, охочие доносители, — часто те самые, которые прежде кричали: “Вот он, контрреволюционер”, — теперь принялись кричать: “Вот комиссар” (*там же*. С. 41–42).

Самый вопиющий случай такого рода произошёл в Полтаве с неким И. Ю. Немировским, на которого поступил донос, что он якобы был председателем революционного трибунала города и подписал более 100 (!) смертных приговоров. Слава Богу, что его не расстреляли “по-быстрому”: уже на следующий день выяснилось, как писал Короленко, “1) Что военно-революционный трибунал в Полтаве не вынес ни одного смертного приговора. 2) Что Немировский не был его председателем. 3) Что он сам судился в этом трибунале за то, что во время эвакуации, состоя членом военной инспекции, освободил всех политических заключённых, которые благодаря ему избежали “случайностей” замешательства при эвакуации и теперь живы и свободны...

Берегитесь ядовитого и разлагающего действия, которое производит эта общественная язва... “Берегитесь попасть во власть доноса” — вот что могли бы сказать новой власти учреждения и лица, привыкшие служить посредниками

“при смене разных властей”, если бы захотели слушать их спокойные голоса...” (там же. С. 43-44).

Немаловажно, что писатель поставил в один ряд рвавшихся на Украине к власти силы махновцев и григорьевцев, к которым писатель не мог и не питал никаких положительных чувств. Напомним, что Нестор Иванович Махно (1889–1934) был руководителем широкого, преимущественно крестьянского движения, протекавшего на Украине под знаком “анархизма” в 1918–1921 годах. Махновцы периодически воевали и против петлюровцев, и против денкинцев, и против Красной армии. Три раза Махно заключал соглашения с большевиками, и каждый раз они нарушались. В 1921 году он эмигрировал во Францию, где написал трёхтомные воспоминания о своей жизни. Короленко резко отрицательно относился к “зелёным”, “повстанцам-разбойникам”, подобным Махно, который “заглядывал” во время круговерти властей и в Полтаву. Так, 15 июля 1919 года писатель занёс в свой дневник: “Чрезвычайку разгромил 8-й полк, стоявший в Беликах. Там он творил ужасные вещи. Перевели сюда... Говорят, при этом слышались лозунги: “Перебить жидов и коммунистов”, упоминался “батько Махно”. Вот на каких надёжных элементах стоит власть, взявшаяся преобразовать мир” (*Летопись жизни и творчества*. С. 118).

Григорьевцами же Короленко называл сторонников Н. А. Григорьева – бывшего штабс-капитана царской армии, с декабря 1918 года – петлюровского атамана, затем – командира бригады и дивизии Красной армии, поднявшего в мае 1919 года мятеж против Советской власти. Он был убит 27 июля 1919 года по приказу Махно. 18 мая 1919 года Короленко писал о Григорьеве в письме С. П. Мельгунову: “Бродит вокруг Полтавы Григорьев с заманчивыми для бедноты обещаниями. Тут и земля, и еврейские погромы, и антикоммунизм... Кажется, однако, что успеха иметь не будет. Кажется, большевизму предстоит самому разведаться в противуречиях между заманчивыми для масс обещаниями и их невыполнимостью. Всюду, где ещё нет большевиков, массы народа их ждут (лозунги!), но стоит им водвориться, и начинается реакция, потому что невыполнимость лозунгов становится очевидной” (там же. С. 107).

В эти месяцы Короленко все чаще и чаще задумывался над вопросом, почему же, казалось бы, крепкая и единая страна не только погрузилась в пучину всеобщего междоусобия, но и стала распадаться на части, причём не только по национальному принципу. И эту тему он затронул в статье “Еретические мысли о единой России”, датируемой сентябрем 1919 года. Заметим, что сам термин “единая Россия” сегодня звучит более чем актуально, как будто современные единороссы, представляющие, по сути, правящую партию в стране, взяли не так уж давно название своей партии из публицистики Короленко.

Истоки распада страны писатель увидел в недостатках государственного устройства царской России: “Но вот над “единой великой Россией” грянул гром, и она сразу развалилась на части с такой быстротой, которая способна вызвать удивление. Очевидно, это единство было спаяно очень плохо. Чисто полицейская организация – плохой цемент, а действительный цемент, скрепляющий государства, – единство мысли и единство воли – не воспитывалось, не организовывалось, а только подавлялось и разрушалось. И вот, толчок – и единой России нет! Отдельные части нашего великого отечества потеряли связь со своим центром и зажили собственной жизнью, как тело червя, которое продолжает жить после того, как заступ разрежет его на несколько частей...”

И нужно сказать – в этом ещё великое счастье и великая надежда. Великое счастье в том, что всё-таки самодержавный Петербург не успел централизовать и помрачить всех отправлений областной жизни. Великая надежда в том, что отдельные области не стали мертвы, а продолжают жить и действовать, группируясь около собственных центров. В этой деятельности многое ещё подлежит поправкам и координации, но факт состоит в том, что жизнь не прекратилась и что она не определяется всецело бюрократическими декретами из центра, ни самодержавного, ни большевистского.

Какой же урок следует из этого для тех, кто мечтает теперь о “единой России”, кто надеется восстановить этот великий государственный организм? Они должны признать факты и сделать из них последовательные выводы.

Факты состоят в том, что возрождающая сила находится не в центре, а на периферии. Не Петербург и не Москва возрождают единое отечество своими директивами, а наоборот, группировка областей стремится провести сознание единого отечества к центрам. Возможно ли и нужно ли, чтобы эти усилия привели опять к прежней централизации, подавляющей областную мысль и областную волю?

Очевидно, это и невозможно, и не нужно. Областная мысль и областные воли, показавшие свою жизнеспособность, должны действовать и в будущем по возможности свободно и самостоятельно. Для России возврат к прошлому немыслим. Если она будет жить, то будет жить только демократической свободной жизнью. Не подавлять самостоятельность областей, а вызывать её к жизни и координировать в единую сознательную государственную работу – вот истинная задача ближайшего будущего... Россия может стать единой в истинном демократическом смысле только путём децентрализации и автономии областей.

Задача трудная: сохранить меру областных самостоятельности и меру их сознательного взаимодействия в государственном смысле. Меру эту ещё придётся искать, может быть, с трудом и даже с частичными потрясениями. Но найти её необходимо... Факты несомненны: к современному кризису, к той анархии, которую мы видим кругом, привели нас крайности централизации и полное подавление самых законных и жизненных стремлений отдельных национальностей.

Вывод: нужно признать свободу национальных культур, полное проявление национальных особенностей. Отныне нельзя преследовать ни одного вероисповедания, ни одного языка, ни одного племени, ни одного национального сознания. Этот принцип должен лечь в основание предстоящей государственной деятельности...

Далее писатель фактически определил идеал общественного устройства своей родной страны: "Может быть, я ошибаюсь, но будущее великой России рисуется мне в виде своего рода федерации, наподобие американских штатов, с областными сеймами по вопросам местного законодательства и с общим сеймом по вопросам общегосударственным.

Да, может быть, в этом я забегая слишком далеко. Вопрос этот сложный и трудный, а я не считаю себя политиком. Назвать ли будущие отношения России и её областей федерацией или как-нибудь иначе, и в каких началах выльется, в конце концов, эта федерация – дело будущего. Гораздо ближе принципиальный вопрос о свободе национальных культур. Это начало необходимо признать сразу. Иначе государственная политика на местах может стать не русской в широком смысле, а только обрусительной и "русопетской". А это может привести к самым гибельным последствиям вместо разумного и желаемого единства..." (Неизданный Короленко. Публицистика. 1919–1921. С. 49–52).

Подчеркнём, что у Короленко ещё задолго до революции сложились свои особые взгляды на роль и значение областей, провинций и необходимость децентрализации в стране общественной жизни. (Об "областичестве" писателя см. подробнее: Бялый Г. А. В. Г. Короленко. 2-е изд. Л., 1983. С. 95–102.) Созвучие размышлений Короленко на тему сохранения единого государства с тревогами сегодняшнего дня не может не поражать, особенно учитывая тот непреложный факт, что СССР в 1991 году распался фактически на те же национально-государственные единицы, которые начали оформляться именно в 1917–1922 годах. В России ведь до сих пор не удаётся до конца "сохранить меру областных самостоятельности и меру их сознательного взаимодействия в государственном смысле". Думается, все эти размышления писателя могут помочь нам и сегодня. Например, весьма плодотворна его идея о том, что гармоничная федерация должна складываться не из образований, созданных по национальному признаку, а из многонациональных областных территорий, имеющих своё местное самоуправление. Ещё 15 декабря 1917 года Короленко записал в своём дневнике: "А силы у большевиков нет. Их "правительство" парализовано: убили общерусский патриотизм, вытравили сознание отечества в рабочей и солдатской массе, и теперь областные патриотизмы одолевают их всюду... Россия теперь, как червь, разрезанный на куски. Каждая часть живёт собственной жизнью... А разумная федерация – это несомненное будущее свободной России" (Летопись жизни и творчества. С. 46).

Если вдуматься в концепцию писателя, то получается поразительный факт, что он в 1917–1921 годах как бы предвидел нынешнее федеративное строение России, в котором сочетаются национальные и областные территории, имеющие местное самоуправление. Правда, до гармонии всех этих федеративно-государственных отношений ещё далеко, и “подсказки” писателя могут нам ещё пригодиться.

Здесь следует ещё раз особо пояснить, что при белогвардейцах Короленко был лишён возможности публиковаться в Полтаве. Как свидетельствует ранняя редакция первой статьи писателя о белых “Новая страница”, он, приступив к её написанию, собирался включить её в цикл статей под названием “Мысли о разных предметах”, в котором, видимо, хотел сосредоточить своё внимание на критике новой, белогвардейской, власти, воцарившейся в Полтаве. Однако ни эта, ни последующие статьи не были опубликованы по цензурным соображениям в какой-либо полтавской газете. В этих условиях Короленко, объединив статьи в цикл “Письма из Полтавы”, отослал их в Екатеринодар своему старому товарищу по работе в журнале “Русское братство”, публицисту и общественному деятелю В. А. Мякотину. Последний редактировал газету “Утро Юга”, в которой и были опубликованы с первого по пятое письмо Короленко, которые мы выше широко цитировали: 1. “Новая страница”, 2. “Трагедия бывших офицеров”, 3. “Власть или шайка”, 4. “Власть доноса”, 5. “Еретические мысли о единой России”. Это было сделано соответственно в номерах за 28 августа (10 сентября), 30 августа (12 сентября), 1 (14), 4 (17) и 8 (21) сентября 1919 года. Пятое письмо под заглавием “Мысли о единой России” было напечатано также в харьковском “Южном крае” (1919, 1 (14) сентября).

Любопытно, что заведующий редакцией газеты “Утро Юга” был С. Я. Маршак, написавший Короленко письмо, в котором сообщал, что пять его писем увидели свет в екатеринодарской газете. В том же году в Екатеринодаре была издана книга “Перевал. Литературный сборник”, в которой были перепечатаны те же 5 статей Короленко (с. 78–99). Показательно, что Екатеринодар в те месяцы являлся “столицей” белых, и опубликование в нём статей Короленко, нацеленных против Добровольческой армии, не может не свидетельствовать о намного более уважительном отношении белых к свободе печати, нежели это демонстрировали большевики. 6-е “Письмо из Полтавы” под названием “О разрубании узлов и об украинстве” было напечатано лишь в харьковских газетах “Рідне слово” (1919, № 23, 16 (23) августа) и “Южный край” (1919, № 94, 29 сентября (12 октября)). Это письмо Короленко оказалось последней публицистической статьёй писателя, опубликованной при его жизни (“Русская литература”, 1990, № 4. С. 46–57).

И очень важно, что эта последняя прижизненная публикация писателя — за два с лишним года до его смерти — была посвящена вопросам национализма. Напомним в связи с этим, что Короленко выступал в 1918–1919 годах против самых разных форм национализма: если при гетмане и петлюровцах он вставал на защиту русского населения Полтавы и выступал против нападок на русский язык, то при белых он защищал от нападок уже украинцев и украинский язык. “Украинский вопрос — это тоже своего рода запутанный узел, который многие стремятся разрубить в угоду поверхностному и ложно понимаемому “русскому патриотизму”, — писал он тогда. — Эти стихийные склонности части добровольчества встречаются, к сожалению, с колебаниями и порой очень досадными обмолвками сверху. Так, в первом же обращении новой власти, расклеенном на улицах Полтавы... среди других распоряжений заключается короткий приказ: “Все вывески на галицийском языке должны быть немедленно сняты”.

Галицийский язык. Почему же он галицийский, а не украинский? Значит, на Украине нет своего особого родного языка, и Шевченко писал по-галицийски?.. Неудобство таких официальных обмолвок состоит особенно в том, что заурядная практика придаёт им распространительное толкование. И вот на улицах Полтавы стали часто повторяться эпизоды в таком роде. К группе местных жителей подходит доброволец с винтовкой и приглашает помочь ему снять эту вывеску “на собачьем языке”. Оскорблённые жители не двигаются с места. Доброволец кое-как сбивает вывеску винтовкой...

Другой случай: по улице едут добровольцы-офицеры. По тротуару идёт компания, среди которой видны девушки-украинки в своих живописно расши-

тых сорочках. Короленкам приходит в голову желание позабавиться над этой "национальной особенностью". Они спешиваются, один из них останавливает компанию и спрашивает девушек, что это у них за азиатские костюмы? Вот неудобство официальной обмолвки: украинский язык сначала обращается в галицийский, а затем... прямо в собачий. А распространённые по всей России украинские (малороссийские) костюмы квалифицируются прямо как азиатские и вызывают на дерзость" (*Неизданный Короленко. Публицистика. 1919–1921. С. 56–57*).

Короленко выступал за уважение к людям, которые любят "украинский язык и национальные черты украинского народа. Недостаточно ведь окрестить язык, на котором говорят миллионы людей, – язык Котляревского (Котляревский И. П. (1769–1838) – классик украинской литературы, которого Короленко очень высоко ценил как родоначальника украинского литературного языка. – **С. Д.**), Квитко (Квитко-Осньюненко Г. Ф. (1778–1843) – украинский писатель, который писал и на русском, и на украинском языках, создав свои широко известные "Малороссийские повести". – **С. Д.**) и Шевченко – языком галицийским, чтобы стало понятным его запрещение... Спрашивается, однако, позволил ли бы себе указанный выше офицер остановить девушек на Дону или на Кубани, если бы они были в подобных же местных костюмах?.. Почему же он (да и не он один) позволяет это себе на Украине?

Ответ, мне кажется, ясен: потому что навстречу массовому национальному предрассудку на этот раз идёт неясность и колебание директив сверху... Тяжело думать, что и теперь, после стольких тяжких уроков, опять приходится доказывать, что материнский язык многих миллионов населения имеет право на признание в рабочей школе, в литературе, в обычном обиходе" (*Короленко В. Была бы жива Россия! Неизвестная публицистика. 1917–1921. С. 241–242*).

Понятно, что такое поведение белых властей не могло не вызывать недовольства и отпора у местных жителей. Дело дошло до того, что Короленко с делегацией от города пошёл по этому поводу к начальнику Полтавского гарнизона генералу Штакельбергу. "Штакельберг принял нас в Гранд-отеле, – записал писатель в дневнике 31 июля 1919 года. – Проходя по этим лестницам и коридорам, я вспомнил петлюровские времена, Чижевскую, Машенжинову, есаула Черняева... Теперь здесь тихо. "Контрразведка" помещается в Европейской гостинице, на Петровской..."

На встрече с генералом Короленко сказал, что "недостаточно окрестить галицийским языком язык... Шевченко, чтобы оправдать его гонение..." Штакельберг выслушал депутацию очень внимательно, и затем последовал приказ о запрете срывания вывесок: "Случаи вроде вышеприведённого стали значительно реже. Но они всё-таки были. Они успели оскорбить тысячи людей..." (*Короленко В. Дневник. Письма. 1917–1921. С. 232*).

К "Письмам из Полтавы", которые мы не могли не рассмотреть внимательно и обстоятельно, тесно примыкает статья Короленко "Опасная болезнь", последняя из посвящённых им критике порядков, введённых белогвардейцами. Она была написана писателем 15 сентября 1919 года не в Полтаве, а в санатории доктора В. И. Яковенко под Шишаками Миргородского уезда. Эта статья так и не была опубликована при жизни писателя. Впервые напечатана в журнале "Советская литература" (1990, № 11. С. 10). "Главный отличительный признак болезни, – писал в ней Короленко, – пренебрежение и даже, можно сказать, пламенная ненависть к закону и, наоборот, преувеличенное восхищение собственной властью, доходящее до мании величия... Всякая реставрация имеет тенденцию идти дальше разумных пределов, и многие восстановленные "власти" думают, что восстанавливается не законность, а ничем не ограниченный произвол. Это и является почвой, на которой зарождается указанная болезнь, чрезвычайно вредная не только для безопасности мирных жителей, но и для общественного настроения. В населении, среди которого свирепствуют такие стеновые или иных рангов Наполеоны, внедряется беспорядок, раздирание и недоверие к устойчивости вводимого порядка. Необходимо поэтому по возможности широко и ярко демонстрировать силу закона и строгую подчинённость закону всякой власти" (*ОР РГБ, ф. 135/1, к. 17, д. 1009, л. 1–2*).

Можно констатировать, что в захваченной белыми Полтаве "неугомонный" Короленко переживал очень тревожное время и для себя, и для своих близких,

находясь на острие сумасшедших событий. И не далеко от истины оказалась информация, опубликованная 25 сентября 1919 года в “Известиях” в статье “Полтава под властью деникинцев”. В ней сообщалось, что “В. Г. Короленко обвиняется деникинцами в продажности: продался большевикам за четыре миллиона рублей... Не исключена возможность расправы с В. Г. Короленко со стороны деникинцев”. Позднее в тех же “Известиях” в сообщении упоминавшегося выше корреспондента РОСТА, взявшего интервью у Владимира Галлактионовича, отмечалось: “Писатель Короленко подвергался в Полтаве со стороны деникинцев всяким притеснениям... Попытки Короленко хлопотать за невинно арестованных и осуждённых политических встречали подозрительность и грубость жандармерии...” Всё было так или почти так...

И не мудрено, что властвованию белых Короленко подвёл весьма удручающий итог. В письме к С. Д. Протопопову уже 16 марта 1920 года он писал следующее: “То, что наделали, уходя, “добровольцы”, вы приблизительно знаете из советской прессы. Едва ли можно преувеличить гнусности, которые они произвели в виде погромов и в других формах. Пришли они с грабежом и насилием и ушли так же, оставив разочарование даже в своих приверженцах. Можно сказать – “партия порядка”!.. Первые три дня по их вступлении шёл сплошной грабёж еврейского населения. Говорят, Деникин не реакционер и человек не дурной. Но вопрос ещё в “преломляющей среде”, в орудиях, которыми ему приходится действовать. А это те самые военные, о которых мне приходилось писать во времена самодержавия. Только вдобавок озверевшие...”

Так мы и живём между двумя утопиями: с одной стороны, восстановление нелепостей и гнусностей прошлого, с другой – немедленное водворение социализма бюрократическими мерами...” (*Летопись жизни и творчества*. С. 139).

Писателю удалось вернуться из своих “сельских скитаний” в Полтаву только после окончания военных действий в той части Украины, где он находился. “Вернулся я из санатория... не особенно поправившись. Пожалуй, наоборот, сердечное утомление усилилось... Видел там, как деникинцы распродавались в деревне. Бог с ними”, – писал Короленко 29 марта 1920 года Л. П. Белокозскому. А в начале января 1920 года он поместил в дневнике вот эти принципиально важные строки, оценивающие вклад белых в “русскую смуту”: “Во время нашего отсутствия в Полтаве происходили тревожные события: деникинцы бежали в панике... Смотришь кругом и не видишь, откуда придёт спасение несчастной страны. Добровольцы... отметили своё... господство, а особенно отступление, сплошной резней еврейского населения (особенно в Фастове, да и во многих других местах), которое должно было покрыть деникинцев позором в глазах их европейских благожелателей. Самый дикий разгул антисемитизма отметил всё господство этой не армии, а действительно авантюры. Между прочим, стало обычным явлением выбрасывание евреев с поезда на ходу. Достаточно было быть евреем, чтобы подвергаться неминуемой опасности, и в начале, пока евреи совсем не перестали ездить по жел[езным] дорогам, – за каждым поездом оставались трупы выброшенных так[им] образом и разбившихся. Вообще в этой “партии порядка” – порядка оказалось гораздо меньше, чем при большевиках...”

... Впечатление такое, что добровольчество не только разбито физически, но и убито нравственно. От людей, вначале встретивших их с надеждой и симпатиями, приходится слышать одно осуждение и разочарование...” (*Короленко В. Дневник. Письма. 1917–1921*. С. 252, 254–255, 256). А в письме к А. Г. Горнфельду 30 марта 1920 года, кратко сообщая о “добровольческом правлении”, Короленко заключал: “С этой стороны ждать нечего, кроме дикой реакции...” Этому же адресату писатель признался 6 мая того же года: “Во время деникинского захвата Полтавы я, по старой памяти, не утерпел и послал 6 писем о безобразиях, которые здесь творили добровольцы. Здесь цензура запретила, а там провели. Теперь это добровольчество уже в прошлом. “Память его погиге с шумом”, и Бог с ним. Утопия, только обращённая назад” (*Письма В. Г. Короленко к А. Г. Горнфельду*. Л., “Сеятель”, 1924. С. 141, 177).

Нечего было ждать и от шнырявших вокруг Полтавы “зелёных”, “повстанцев-бандитов”, как называл их Короленко, “которые помогают всем, кто идёт

на смену, чтобы в этот промежуток пограбить”, и от интервентов под разными флагами (“У нас тут о союзниках думают без восторга. Надо, по-видимому, пережить эту болезнь без посторонних операторов...”), и от “польского нашествия”. Получалось, что “госпожа история” каким-то странным и необъяснимым образом вела к тому, что стране надолго суждено было оказаться во власти той силы, которая побеждала всех своих врагов, а именно большевиков.

Красные возвращаются в Полтаву

10 декабря 1919 года власть в Полтаве вновь перешла к большевикам, на этот раз окончательно. Короленко, как мы писали ранее, вернулся в Полтаву из деревни примерно 11 января 1920 года. В первой дневниковой записи этого года писатель записал красноречивые слова о том, что он пережил: “29 декабря (старого ст[и]ля) прошлого года мы вернулись из Шишак. 28-го выехали оттуда на вокзал. Ночь провели в Ереськовском вокзале. Впечатление мрачное и своеобразное, вокзал неосвещённый. Мы устраивали светильни: бумажный фитиль и кусок сала. Вечером вокзал кажется мёртвым: всюду темно, только в одном окне виднеется тусклый свет: это у весовщика умерла дочь, и семья проводит печальную ночь... Служащие на вокзале истомились от неопределённости бездействия. Ветер налетает с снежных полей, пройдут по рельсам пешеходы в Миргород или Сагайдак, порой слышна канонада. Где-нибудь стреляют бандиты. И опять тихо. Когда порой раздастся какой-нибудь сигнал на перроне, то впечатление такое, будто это говорят какие-то призраки...”

До нас в Шишак доносились слухи о событиях в Полтаве. 4-го или 5-го окт[ября] со стороны Яковцев двинулись бандиты, а часов в 8-9 заняли часть города у Киевского вокзала и со стороны Монастырской улицы. У них были орудия и пулемёты. Скоро, однако, отступившие сначала добровольцы получили подкрепление и сами перешли в наступление, и вытеснили разбойников, которые, однако, успели совершить много убийств и грабежей (по первоначальному подсчёту, убитых свыше 30, раненых в больнице 19 человек)... Затем в течение нескольких дней (почти две недели) Полтава переходила из рук в руки, кажется, до 20-го, когда, вслед за бандитами, вступили в город большевики. Надо отдать им справедливость: они тотчас же прекратили грабежи и убийства и отослали банды на какой-то фронт. Бандиты не особенно охотно подчинялись этим мерам, и через некоторое время в “Известиях” появилось известие, напечатанное крупным заглавным шрифтом, что “Махно объявлен вне закона”. Вскоре после вступления большевиков порядок в Полтаве установился. Большевики уже второй раз отлично “вступают”, и только после, когда начинают действовать их чрезвычайки, их власть начинает возбуждать негодование и часто омерзение. Впрочем, в Полтаве и это было много умереннее, чем в Харькове и Киеве” (Короленко В. Дневник. Письма. 1917-1921. С. 252-253).

Карусель нескончаемых переворотов, переваливших числом за десяток, остановилась. Впоследствии Короленко в письме к П. В. Мокиевскому следующими словами запечатлел прошедший через Полтаву бешеный хоровод властей: “Едва ли Вы в Петрограде представляете себе, как беспокойна жизнь на нашей Украине и сколько раз Полтава, например, переходила из рук в руки и от режима к режиму. Начиная с “Рады”, она переходила к гетманцам, к петлюровцам, к большевикам (три раза), была и в руках повстанцев (почти разбойников), заглядывал сюда и “анархист” Махно. Подвергался город и бомбардировке, и на нашей улице разрывались бомбы. Одним словом, обстановка, мало содействовавшая сердечному “успокоению”. Ну, да этого и нигде нет теперь” (Летопись жизни и творчества. С. 194).

Став свидетелем “безостановочной карусели” властей в Полтаве, Короленко как бы в миниатюре пережил все те коллизии, которые выпали на долю России в мятежное время двух революций, мировой и “самой страшной из войн” – гражданской. Трезвый взгляд на вещи, патриотические настроения убедили, в конце концов, писателя, что в создавшихся условиях никакой иной альтернативы власти большевиков в России просто не было, как бы “плохи и кровожадны” они ни были. Писатель сделал для себя указанный нами выше вывод, что со стороны денкинцев “ждать нечего, кроме дикой реакции”. Ещё в марте 1919 года он писал своему товарищу по работе в “Русском богатстве”

А. Г. Горнфельду: «По-видимому, определяется, что большевизм — самая сильная всё-таки военная партия в России, и, может быть, ему и суждено на некоторое время представлять собою “государство Российское”...» (Письма В. Г. Короленко к А. Г. Горнфельду. С. 97). Примерно в это же время, 22 февраля 1919 года писатель заметил в письме к С. Д. Протопопову: «Мы теперь “под большевиками”. Надолго ли? Бог весть. Не хочется как-то и думать о близости, может быть, новой перемены. Всякая смена несёт волну жестокостей...» А чуть позже Владимир Галактионович определил для себя: «Я не принадлежу к числу тех, которые бойкотируют большевистское правительство во что бы то ни стало».

Понимание сути происходившего довольно ясно вырисовывалось ещё из письма Короленко своей жене от 11 марта 1919 года: «Чем больше я приглядываюсь, тем больше вдумываюсь в происходящее, тем больше утверждаюсь в мысли, что большевизм — такая болезнь, которую приходится пережить органически. Никакие лекарства, а тем более хирургические операции помочь тут не могут. Лозунг для масс очень заманчивый. До сих пор вы были в угнетении, теперь будьте господами. И они хотят быть господами... Была эксплуатация, теперь будет “господство пролетариата”. И массы верят, что это господство легко осуществимо, не представляя себе, что всё дело в производстве, которое всюду остановилось и не двигается ни на шаг. И только когда этот процесс, вернее, когда полное отсутствие процесса производства и невозможность при настоящем уровне культуры перевести его одними декретами и штыками на другие, социалистические рельсы станет для всех ощутительна и очевидна, — только тогда заманчивые лозунги получат в глазах массы настоящую цену. А иначе — всё будет казаться: вот, если бы не помешали, всё уже было бы устроено» (Летопись жизни и творчества. С. 95).

Важно, что, понимая неизбежность дальнейшего владычества большевиков, писатель говорил, прежде всего, именно о военной составляющей их победы и о Советском “государственном” строительстве, которые, действительно, имели место: именно выстраивание жёсткой вертикали власти и успехи Красной армии определили во многом победу нового строя. В конце 1919 года Короленко сообщал о своих настроениях: “Авось поведет откуда-нибудь и надеждой, хотя “со стороны” я и не жду и, пожалуй, не желаю. Авось встанет, наконец, сознание положения даже у его хозяев. А таковыми мне всё-таки представляются большевики”. И наконец, в мае 1920 года, за месяц до своей встречи с А. В. Луначарским, писатель уверенно заявил, имея в виду большевиков: “Вообще я всё более и более укрепляюсь в мысли, что Россия должна сама изжить свои невзгоды и ошибки без посторонней опеки. Нужно будет большое усилие и напряжение, чтобы признать свои ошибки и, по возможности, их поправить, но это — самое желательное. Возможно ли — покажет будущее, которого я, может быть, уже не увижу. А любопытно бы очень”.

В первой дневниковой записи 1920 года Короленко довольно точно определил, что “вообще теперь на русской почве стоят лицом к лицу две утопии. Одна желает вернуть старое со всем его гнусным содержанием”. Так писатель охарактеризовал белогвардейцев, а вторая утопия — большевистская: “Утопии реакционной противостоит другая утопия — большевистского максимализма. Они сразу водворяют будущий строй на месте капиталистического. Они объявили “власть пролетариата и крестьянства”, но это, конечно, только номинально. Фальсифицируя и насилуя выборы, они стремятся сделать всё декретами и приказами, т. е. приёмами мёртво бюрократическими. Лозунг привлекает к ним массы, которые склонны, в общем, признавать “власть советов”. Но явные неудачи в созидательной работе раздражают большевиков, и они роковым образом переходят к мерам подавления и насилия. Им приходится вводить социализм без свободы. Они повторяют формулу самодержавия: сначала успокоение, потом свобода. Они задавили печать и самоуправление (деникинцы признавали и то, и другое в большей степени), они чувствуют, что и рабочая среда теперь далеко не за них, и им роковым образом приходится брести всё глубже и глубже в заливающих их движение волнах насилия и себьялюбия. Воровство в их учреждениях страшное” (Короленко В. Дневник. Письма. 1917–1921. С. 256–257).

Согласно Короленко, тупик заключался в том, что большевики оказывались сильнее всех, побеждали на всех фронтах, но при этом приносили неисчислимые страдания народу, погружались во мрак массового террора

и безудержного экспериментаторства. В этих условиях оставалось надеяться, как отмечал писатель, лишь на “чудо”, на исцеление большевиков от кровавого дурмана и ошибочных схем. Короленко неоднократно выражал в 1919–1921 годах искреннее желание, чтобы большевики “опять не оплошали” в своей политике, чтобы у них пробудился “собственный здравый смысл”. Отсюда вытекало естественное стремление писателя высказать всё наболеее на душе и указать вождям большевиков на те вопиющие ошибки, которые могли привести страну к полному краху.

“Я Вам пишу не для полемики, а потому, что не могу молчать... – сообщал Короленко Раковскому 11 июня 1919 года. – И, может быть, иное слово старика Короленка, сохранившего буржуазные предрассудки о свободе, о правосудии, о святости человеческой жизни, найдёт отклик и в большевистских душах” (“Вопросы истории”, 1990, № 10. С. 16). С этой же точки зрения следует оценивать и “Письма к Луначарскому” – самое крупное публицистическое произведение Короленко, ставшее своеобразным духовным завещанием писателя. Особое возмущение писателя вызывал “слепой, безоглядный красный террор”, который как “признак растерянности, возрастающей жестокости и страха” представителей новой власти воцарился при большевиках. В ответ на возражение переписывавшегося с Короленко председателя СНК Украины Х. Г. Раковского, что при оценке “красного террора” нужно принимать в “соображение ту погромную волну, благодаря которой могут пролиться реки крови”, Короленко писал своему оппоненту 20 июня 1919 года: “Да, я принимаю всё это в соображение. Вообще, я считаюсь с действительностью. Но я вижу её не с одной только стороны. Я учитываю также и то, что все эти тёмные расстрелы молвой приписываются большевикам из евреев, что создаётся легенда, что расстрелянных 8 июня вели будто бы только евреи из чрезвычайки и т. д. и т. д. Я не большевик. Одно время я думал всё-таки, что если большевизм сумеет удержаться в пределах спокойствия и самообладания, то весьма вероятно, что именно ему суждена победа в борьбе, и тогда ему же самому придётся стать лицом к лицу со своими основными огромными ошибками и бороться на мирной уже почве с их последствиями... Теперь, под влиянием “красного террора”, заложничества, бессудных казней это настроение исчезает. Вера в силу вашей власти теряется потому, что вы... теряете голову, начинаете гоняться за призраками и, уничтожая отдельных лиц, создаёте “бытовые явления”, которые сразу действуют на массы.

Да, я не большевик, но я и не петлюровец, и не деникинец, не верю в пользу внешнего вмешательства. Я не активный политик. Но я верю, убеждён, что есть всё-таки и моральная сила, которой стоит проснуться, и многое изменится. Поэтому я стараюсь пробудить человечность среди озверения, и я не только верю, но и знаю, что она не вредит, а помогает в самой борьбе. Мужество в открытом бою, человечность к побеждённым! – вот истинная формула человеческой, а не звериной борьбы” (“Вопросы истории”, 1990, № 10. С. 21–22).

А тем временем в январе 1920 года большевики, чувствуя свою силу, пошли на обнадёживающий шаг, который не мог не понравиться Короленко: “Казалось, являются признаки отрезвления, но, очевидно, это оптимистическая ошибка”, – писал он тогда. Речь шла о решении Москвы ограничить полномочия ЧК. 27 января Короленко обратил внимание на информацию из газеты “Власть Советов”: “Всеросс[ийский] Центр[альный] Исполнит[ельный] Комитет, констатируя полный разгром Контрреволюции на всех фронтах, постановил лишить В. Ч. К. и её местные органы права самостоятельно приговаривать к расстрелу всех тех, кто содействует контрреволюции”. Однако это решение вызвало резкую критику среди украинских большевиков на основании не тождественности “условий, в которых проходит гражданская война в России и на Украине”, где “бандитизм ещё продолжает жить; от него стонет и город, и, особенно, село. Его нужно искоренять безжалостной рукой”. В итоге, как отмечал в дневнике писатель, “Всеукр[аинский] Револ[юционный] Комитет, обсудив вопрос о применении высшей меры наказ[ания], т. е. расстрелов по приговорам Чека и Ревтрибуналов, нашёл, что в России эта мера вызвана победами над контрреволюцией и бандитизмом. Что этих условий на Украине ещё нет и что поэтому Всеукр[аинский] Рев[олюционный] Комитет “не может остановиться ни перед какими мерами, вплоть до применения системы “красного] террора”. Кончается этот документ заявлением, что укр[аинский] рабочий народ должен знать, что тяжёлые репрессии навязываются исключит[ельно]

свергаемой буржуазией и её преемниками”. Короленко совершенно справедливо предвидел, что такое решение оставит “Смертную казнь хотя бы для бандитов”, “и Ч. К., быть может, попытается смешать в иных случаях контрреволюцию с бандитизмом. Но всё же – это мера важная, и большевизм первый подал пример хотя бы смягчения смертной казни” (Короленко В. Дневник. Письма. 1917–1921. С. 258–259).

И почти как всегда в те годы, Короленко оказался прав. Уже 18 февраля он констатировал: “Начинается! Ко мне уже опять бегут с просьбами заступничества. Первая пришла родственница брата знаменитого Судейкина, арестованного Ч. К. . . . Потом пришла Рашель Лазар[евна] Кудерман. У неё и у мужа реквизируют кварт[иру], “в 24 минуты”, не дав ничего вынести. . . . Пожив у Яковенка в санатории, я убедился, как глубоко я поражён серд[ечной] слабостью, и мне ясно, что ходить чуть не ежедневно в Ч. К. мне прямо невозможно. За этими первыми ласточками последовали другие. Действует опять подлый донос. И, наконец, вчера пришла В. С. Фрейдин с сообщением, что трёх человек Ч. К. уже приговорила к см[ертной] казни! Полтавская Ч. К. постановила казнить, и приговор пошёл на утверждение в Харьковскую Ч. К.” (там же. С. 265).

29 марта – новая запись в дневнике: “Вообще в Москве опять свирепствует Ч. К. Расстрелы теперь после известного декрета не производятся. Но до его объявления (уже после того, как он состоялся) расстреляно несколько сот человек. . . . Теперь приговаривают к бессрочной каторге или в концентрационный лагерь до окончания гражд[анской] войны” (там же. С. 271). И 22 апреля писатель вновь делает выводы о пагубности насилия большевиков: “Проклятие всякой власти, опирающейся на насилие, в том, что она начинает мыслить установленными шаблонами. Таков был шаблон о неизбежности самодержавия и о преданности русского народа царям до степени самоотверженного подчинения диктатуре помещиков по приказу царей. Теперь – такой же шаблон – якобы диктатура рабочего класса и крестьян, которая сводится на диктатуру штыка. И большев[истское] правительство уверено, что под этим шаблоном можно проделывать над народом всё, вплоть до прямого захвата плодов кровного труда. Теперь, по общим отзывам, – две трети земли останет[ся] незасеянной. Мужики сеют лишь для себя, чтобы самим быть сытыми” (там же. С. 276).

Однако всё, что видел Короленко в Полтаве, несмотря на резкую критику им действий большевиков, не отменяло у него искреннего желания, чтобы большевики “опять не оплошали” в своей политике, проявив “собственный здравый смысл”. Отсюда вытекало естественное стремление писателя высказать всё наболевшее на душе и указать большевикам на те вопиющие ошибки, которые могли привести их к краху. Именно с этой точки зрения и следует оценивать короленковские “Письма к Луначарскому”, помня, что писал их не отъявленный враг новой власти, как это затем иногда подавалось, а её негласный, очень умеренный, с множеством оговорок, и независимый сторонник, человек, говоривший неоднократно: “Я нейтральный. . .”

Существенно, что до конца своих дней идеал общественного устройства писатель продолжал видеть именно в социализме. “. . . Я совершенно искренне и горячо считаю себя социалистом, не считая себя ни большевиком, ни коммунистом, ни даже меньшевиком, ни “народным социалистом”, как наши товарищи, – писал он А. Г. Горнфельду, – считаю себя социалистом в том смысле, что признаю одну свободу без социальной справедливости неполной и неосуществимой. Но для меня свобода – необходимое осуществление социальной справедливости, а не наоборот, как для нынешнего коммунизма” (Письма В. Г. Короленко к А. Г. Горнфельду. С. 188).

Фактическое, хотя и не публичное, высказанное только в письмах и дневниках, признание власти большевиков отнюдь не заглушило в Короленко протест против многих их действий, жажду справедливости, милосердия и добра. Резкое неприятие писателя вызывала практика “красного террора”, многие экономические и политические меры “военного коммунизма”. Хотя на “этот раз” в действиях большевистских комиссаров чувствовались “умеренность и большее спокойствие”, Короленко считал всё же своим долгом продолжать заниматься изнурительным трудом спасения человеческих жизней, прибегая к тем же “хождениям”, “уговорам” и уже не новому для себя жанру “докладных записок”. И делать это приходилось невзирая на то, что

такая тягостная для творческого, пожилого человека ноша отрывала и время, и силы от главного нервозного детского писателя — “Истории моего современника”, работа над которой не прекращалась до последних дней его жизни.

Судьба распорядилась таким образом, что Короленко и в последние годы жизни пришлось всё время быть оппозиционно настроенным к существовавшим режимам, в том числе большевикам. Он вынужден был сделать тогда для себя горький вывод: “Мне суждено стоять в оппозиции ко всем до сих пор сменявшим друг друга властям”.

Истоки этой стойкости и непоколебимости духа писатель черпал в убеждённости, что “лучше... проигрывать, чем торжествовать с теми, кто освящает и поддерживает бесправие”. Он всегда говорил об обязанности каждого делать “кто что может на своём месте”, повторяя французскую поговорку: “Делай, что ты должен делать, и пусть будет, что будет”. Писатель считал стержнем человека, позволяющим ему выдерживать любые испытания и прерывности судьбы, веру, “такую, за которую стоят “даже до смерти”, которая не поддаётся софизмам ближайших практических соображений, которая говорит человеку своё “не могу”.

Такую “негнущуюся” веру писатель пронёс через всю свою жизнь, и состояла она в приверженности к вечно живым ценностям нравственности, справедливости и патриотизма...

Забегая вперёд, отметим, что к весне 1921 года, как это давно предрекал Короленко, политика большевиков завела их в тупик, обернувшийся голодом, восстанием тамбовских крестьян, кронштадских матросов, гонениями на Церковь и интеллигенцию. Назревало то, что и предвидел писатель, умудрённый опытом и знанием жизни: большевики медленно, с болю и кровью, но отказывались постепенно от своих самых оголтелых и жестоких установок. “Разруха идёт всё дальше и дальше, и правительству остаётся бороться с нею не по существу, а только с её обнаружениями. Это путь, который привёл к гибели не одно правительство. На это я смотрю с горем и печалью”, — отмечал Короленко в письме к В. Н. Золотницкому в конце марта 1921 года (*Летопись жизни и творчества. С. 195*), а чуть раньше, 15 января 1921 года, Короленко писал тому же адресату: “Я вообще считаю программу коммунистов ошибочной и невыполнимой, как попытку ввести социализм без свободы” (*там же. С. 186*).

9 августа в письме к Горькому писатель сообщал: “Вы обратились ко мне с предложением написать обращение к Европе о помощи голодающей России, и я принял это предложение. С этих пор у меня нет покоя. Это письмо я пишу среди бессонной ночи. Прежде всего, у меня нет цифровых данных. Я уже обратился к своим приятелям-статистикам, но на это нужно время. Значит, придётся подождать”. Однако этим сообщением писатель не ограничился. Он снова, пользуясь случаем, изложил Горькому своё видение будущего и оттолкнулся от книги “Россия во мгле” Герберта Уэллса: “Недавно Уэльс приезжал к Вам и после этого написал книгу. Я совершенно с нею согласен... но... его книгу не признали ни эмигранты, ни здешнее правительство. Редакция эмигрантов снабдила её отрицательным предисловием, здешняя цензура её просто-напросто запретила. Для эмигрантов он слишком благоприятно относится к господствующей в России партии, для большевиков вся книга проникнута презрением к России, которая, как известно, стоит во главе всемирной социальной революции. Я прочёл то, что писал Уэльс, и меня поразило, как этот англичанин мог так верно понять положение России. Правда, мне хотелось не однажды бросить книгу из-за её презрения к нашему отечеству” (*Летопись жизни и творчества. С. 213*).

Любопытно, что Уэллс находился в России с конца сентября до середины октября 1920 года, то есть примерно тогда, когда Короленко закончил (22 сентября) свои письма к Луначарскому, и нам сравнение их взглядов тем интереснее, что оба писателя высказывали свои взгляды примерно в одно и то же время. А познакомился Короленко с книгой Уэллса в мае 1921 года, причём прислал ему её специально Х. Г. Раковский, надеявшийся, что эта книга ещё сильнее примирит писателя с Советской властью. И “Россия во мгле” действительно произвела на Короленко сильное впечатление.

В восприятии писателем книги Уэллса смешались разные чувства: и критика Короленко его отношения к России, и частичное признание им уэллсовской оценки большевиков. Писатель сначала был настроен к этой книге более

негативно, но в итоге, суммировав свои размышления, подвёл итог: “Но, наконец, я понял Уэллса и примирился с ним. Дело в том, что всякий народ заслуживает то правительство, какое имеет, пока, конечно, не свергнет его” (*Летопись жизни и творчества. С. 213*). Короленко отметил, что, свергнув царизм, “лишённый политического смысла”, российский народ “тотчас же подчинился первому, кто взял палку. Это были коммунисты”. Далее он привёл несколько ярких примеров ошибочных действий большевиков, приведших в стране к голоду, и ещё раз повторил тот вывод, который он сделал для себя к тому времени: “Я, как и Уэллс, думаю, что если нынешнее правительство не будет вследствие голода постигнуто каким-нибудь катаклизмом, то ему суждено вывести Россию из нынешнего тупика. Повторяю, всякий народ заслуживает то правительство, какое имеет: русский народ заслужил своим излишним долготерпением большевиков (выделено мной. — С. Д.). Они довели народ на край пропасти. Но мы видели и денкинцев, и Врангеля. Они слишком тяготели к помещикам, и к царизму. А это ещё хуже. Это значило бы ввергнуть страну в маразм... Если возможен ещё выход для России, то он только в одном: в возвращении к свободе. Я на это указывал в своих письмах к Луначарскому. Теперь повторяю” (*Летопись жизни и творчества. С. 213–217*).

Эти ключевые, итоговые слова Короленко ещё раз показывают, что 1) писатель не видел возможности реставрации в стране ни царского режима, ни господства тех буржуазных сил, которые, что бы кто ни говорил, олицетворяли собой именно белогвардейцы; 2) он продолжал надеяться на трансформацию большевиков, на изменение их политики в сторону свободы, причём под свободой он понимал не только политические права; он писал, что большевики должны вернуться “прежде всего, к свободе торговли”, “затем — к свободе печати, свободе мнения” и к свободе личности: “не нужно хватать направо и налево (как схватили Ляховича)”; 3) он желал совместными усилиями всех заинтересованных сторон победить в стране голод и разруху, “вывести страну из тупика”, при этом он лично готов был участвовать в такой работе по мере своих сил, не боясь, что его обвинят в сотрудничестве с Советской властью (вспомним, что Короленко согласился стать почётным председателем Всероссийского комитета помощи голодающим, председателем которого являлся не кто-нибудь, а видный большевик Л. Б. Каменев).

Такая выстрадавшая писателем позиция могла не понравиться многим участникам той исторической драмы, может она не понравиться и многим современным исследователям прошлого или просто людям, интересующимся историей и имеющим свои представления о том, что раньше, по их мнению, было хорошо, а что плохо. Однако именно таковым было видение сложившейся тогда ситуации человеком, накопившим колоссальный человеческий опыт и являвшимся, по сути, “живым классиком” русской литературы, превосходившим в то время по своему авторитету и известности кого бы то ни было.

Приведём здесь те выводы из книги Уэллса, которые могли быть восприняты Короленко с пониманием и хотя бы частичным одобрением: “Я сразу же должен сказать, что это единственное правительство (большевики. — С. Д.), возможное в России в настоящее время. Оно воплощает в себе единственную идею, оставшуюся в России, единственное, что её сплачивает”. У правительства большевиков “множество противников — всякие авантюристы и им подобные готовы с помощью европейских государств свергнуть большевистское правительство, но у них нет и намёка на какую-нибудь общую цель и моральное единство, которые позволили бы им занять место большевиков”. “Всякий, кто уничтожит теперешнюю законность и порядок в России, уничтожит всё, что осталось в ней от законности и порядка. Разбойничий монархический режим оставит за собою новые кровавые следы по всей русской земле и покажет, на какие грандиозные погромы, на какой террор способны джентльмены, пришедшие в ярость; после недолгого страшного торжества он распадётся и сгинет...” (*Уэллс Г. Россия во мгле. М., 1959. С. 11, 79, 48*).

Однако Короленко никогда бы не согласился вот с этими высказываниями Уэллса, которые, по его словам, наполнены “презрением к нашему Отечеству”: “Огромная масса населения России — крестьяне, неграмотные, жадные и политически пассивные... Православный священник... типичный мужик, грязный и неграмотный, не имеющий никакого влияния на совесть и волю своей паствы. Ни у крестьян, ни у духовенства нет никакого творческого

начала. Что касается остальных русских... это пёстрая смесь более или менее культурных людей, не связанных ни политическими идеями, ни общими устремлениями. Они способны только на пустые споры и беспочвенные авантюры" (там же. С. 50).

И конечно, самые острые возражения Короленко вызывали слова Уэллса, фактически оправдывавшие репрессии чекистов и "красный террор": "Для того чтобы удержать власть, коммунистическое правительство создало Чрезвычайную Комиссию, наделив её почти неограниченными полномочиями, и "красным террором" подавило всякое сопротивление. "Красный террор" повинен во многих ужасных жестокостях; его проводили по большей части ограниченные люди, ослеплённые классовой ненавистью и страхом перед контрреволюцией, но эти фанатики, по крайней мере, были честны. За отдельными исключениями, расстрелы ЧК вызывались определёнными причинами и преследовали определённые цели, и это кровопролитие не имело ничего общего с бессмысленной резнёй деникинского режима, не признававшего даже, как мне говорили, советского Красного Креста" (там же. С. 37-38).

Да, уж Короленко-то своими глазами видел, насколько "честны" были чекисты и как часто в их деятельности проявлялись так называемые ничем не обоснованные "отдельные исключения", или, проще говоря, дикий произвол! И совершенно естественно, что подобные высказывания Уэллса не могли не вызывать у писателя отторжения. Данный пример показывает нам, какие реальные различия были между нравственными заветами русской классической литературы, которые олицетворял собой Короленко, и часто прагматичными, сиюминутными принципами, которые отстаивали западные писатели, в том числе и такие крупные, как Г. Уэллс.

Следует отметить, что Короленко не только постоянно следил за тем, что делал и писал в те смутные годы М. Горький, но и вёл с ним, хотя и не постоянную, переписку, встречаясь со многими, кто контактировал в то время с Горьким. И взгляды двух выдающихся писателей на происходившее часто совпадали, однако Горький был, конечно, намного ближе к большевикам (хотя он их жёстко критиковал, особенно в период октября 1917 — лета 1918 года, чем Короленко, сотрудничавший с большевиками преимущественно только в сфере защиты детей и борьбы с голодом и настроенный по отношению к ним более непримиримо. Горькому, фактически работавшему в нескольких советских организациях и входившему даже в состав Петроградского совета, в силу его характера уж очень льстило, что он был близок с вождями большевиков, переписывался с самим Лениным, мог решать множество вопросов и многим помогать, но ему часто не удавалось спасти тех, кого карал меч революции.

Большевики старались использовать Горького для повышения своего престижа и решения конкретных проблем. В этом отношении показательно обращение к Горькому А. В. Луначарского от 3 января 1919 года по поводу "доставки для русских детей некоторых продуктов питания американского происхождения": "Дело стоит за обращением к американскому народу о разрешении такого ввоза, причём вряд ли мыслимо, с нашей точки зрения, чтобы обращение это было подписано правительством или кем-либо из его членов. Но дело, пожалуй, наладилось бы окончательно, если бы такое обращение исходило от группы больших русских людей во главе с Вами" (*Летопись жизни и творчества*. С. 93). После этого последовало обращение Горького к Короленко, который и написал "воззвание к американцам", цитировавшееся нами в главе о Лиге спасения детей. Конечно, речь в данном случае шла о благородном деле помощи детям, но несомненно также, что участие в этой деятельности большевиков двух знаменитых писателей не могло не повышать авторитет новой власти.

Сохранилось 9 писем Короленко к Горькому, написанных в период с 19 мая 1920 года по 14 сентября 1921-го и опубликованных с комментариями В. И. Лосевым в сборнике "Короленко В. Дневник. Письма. 1917-1921" (М., 2001. С. 476-512). В этих письмах, которые носят всё-таки вторичный характер в общем публицистическом наследии Короленко, писатель повторил многие факты, соображения и выводы, которые звучали в его дневниковых записях, статьях и письмах, в том числе в "Письмах к Луначарскому". Он писал в них и о неготовности к социальной революции в России, и о пагубности павшего царского режима, и об ошибках белогвардейцев, и о разгуле "красного

террора”, и об экономических просчётах большевиков, и о надвигающемся страшном голоде. А Горький часто сообщал писателю о новостях и приметах жизни в Центральной России и столицах.

К нашему повествованию напрямую относятся два показательных фрагмента из писем Горького к Короленко. В первом из них от 28 февраля 1921 года Горький ответил на просьбу Короленко выделить “учёный” паёк его старому товарищу, журналисту и учёному, С. Д. Протопопову, работавшему в системе Наркомпроса, что это ему сделать совсем не удалось. Горький объяснил неудачу жёсткими условиями выделения пайков и их нехваткой: “Пайков за “Домом учёных” зафиксировано 2022, – разумеется, для Петрограда этого мало, – и у нас числится около 700 человек, кандидатов на пайки; всё это люди с крупными заслугами в области положительных и гуманитарных наук... Начальство не любит “Дом учёных”, считая его “белогвардейской организацией”... Вот каково положение. А жить всё труднее... Смертность среди людей науки ужасная... Ко всему этому здесь и в Москве начались антисоветские выступления рабочих – это в рабочем-то государстве! Пышно расцветает антисемитизм и – более отвратительный, чем всегда. Вообще – невесело!...” (Короленко В. *Дневник. Письма. 1917–1921. С. 480*).

Конечно, Горький, несмотря на его близость к вождям большевиков, был далеко не всеслеп, он прекрасно видел все язвы Советской власти, устал от постоянной борьбы с “ветряными мельницами” и именно в этот период стал проявлять желание уехать за границу. И уже 13 июля 1921 года в новом письме к Короленко Горький вынужден был вновь признаться в собственном бессилии решать “вопросы жизни и смерти” и в своём упадническом настроении. Речь шла о судьбе зятя писателя К. И. Ляховича, о смерти которого после заточения в ЧК Горький узнал из письма С. Д. Протопопова. И он сообщил при этом Короленко важные сведения: “... Об аресте, болезни и смерти К. И. Ляховича знал давно... По этому поводу я посылал телеграмму Ленину и Луначарскому; первый, очевидно, ничего не сделал, второй – бессилён сделать что-либо. Удар, Вам нанесённый, мне понятен, горечь Вашего письма я очень чувствую, но дорогой В. Г., если б Вы знали, сколько таких трагических писем читаю я, сколько я знаю тяжких драм! У Ивана Шмелёва расстреляли сына, у Бориса Зайцева – пасынка. К. Тренёв живёт в судорожном страхе, А. А. Блок, поэт, умирает от цинги, его одолела ипохондрия, опасаются за его рассудок, а я не могу убедить людей в необходимости для Блока выехать в Финляндию, в одну из санаторий. Не могу перевести из Крыма в Москву Тренёва, Шмелёва, Сергеева-Ценского, Деренталя – не могу уже третий месяц”. Далее писатель, вспомнив своё участие в суде против старого большевика С. Вольского, высказавшегося “неласково о своих старых товарищах по партии”, написал: “Я за три года много видел, ко многому “притерпелся”, но на процессе, выступая свидетелем со стороны защиты, прокусил себе губу насквозь. Плохо мы живём – будем жить ещё хуже” (там же, с. 486).

Да, Горькому не удалось спасти Ляховича, не удалось спасти Блока, умершего вскоре, 7 августа, а также Н. С. Гумилёва, расстрелянного 26 августа, всего лишь через полтора месяца после откровенного письма Горького к Короленко. А тут ещё грянул голод, Горький принял самое живое участие в деятельности Всероссийского комитета помощи голодающим, возглавив Петроградский областной комитет, и для него разгром этого комитета самими большевиками стал настоящим ударом, который, конечно, ускорил отъезд писателя за границу, состоявшийся 7 октября 1921 года.

Последние месяцы жизни Короленко

Тревожно и мучительно были прожиты писателем последние месяцы жизни. И не только потому, что обострялась неотступная болезнь. Сердце болело от неизвестности, которая покрывала будущее истерзанной, сдавленной клещами голода Родины. По сравнению с временами молодости писателя (“Какие это всё были ещё “мягкие” времена!” – писал он) теперь времена были “много жесточе”. Но и в эти “Богом забытые” времена, как бы передавая нам, сегодняшним, бесценный урок стойкости и веры в великое предназначение России, Короленко сохранил в себе никогда не затухавший в нём оптимизм и чувство надежды на счастливую судьбу своего Отечества. Поражает, что и в условиях открытого “умирания” страны, причины которого писатель

выводил, главным образом, из близорукой политики большевиков, он не видел другой власти, способной править страной, кроме Советской, и другого пути в будущее, кроме социалистического. И то была горькая, жестокая правда жизни.

14 июня 1921 года писатель написал очень интересные слова в своём письме к С. Д. Протопопову, вновь высказав обиду за “презрение к России”, которое проявлялось тогда повсеместно, и сожаление, что он не увидит то, как же все будет происходить дальше: “Недавно случилось мне прочитать Уэллса — “Россия во мгле”. К существующему правительству (у нас, конечно) он относится очень снисходительно, но из-за этого сквозит такое презрение к самой России, что можно не на шутку обидеться...

Мне тоже смерть не страшна, хотя хотелось бы “досмотреть до конца”. Кроме того, у меня есть семья, и мне не хотелось бы расставаться с ней преждевременно. Мы в особенности в эти мрачные дни стали очень дружны” (“Вестник литературы”, 1921, № Ю. С. 29-30).

Любопытно, что фактически последнее отдельное публицистическое произведение (если не считать заключительных фрагментов “Истории моего современника”) Короленко написал в начале сентября 1921 года и назвал его “На Яммалахском утёсе”. Этот очерк, примыкающий по своему содержанию к королёвской “Истории...”, писатель хотел опубликовать при помощи А. Б. Дермана в симферопольском “Южном альманахе” в 1921 году, однако он увидел свет только в первом выпуске этого издания в 1922 году, уже после смерти писателя. Хронологически события очерка описывают якутский период 1881–1884 годов, когда Короленко занимался земледельческим трудом и начал своё становление в качестве писателя. Как признавался Владимир Галлактионович, “Яммалахский утёс — это до известной степени мое профир de foi”, или credo писателя. И он объяснил в этом очерке, как ему всё-таки выпало выбрать путь писателя, как он осознал, что сначала “во имя народной мудрости, таинственной, неопределённой, отказался от литературы, быть может, моего истинного призвания”, а затем пришёл к выводу, что у него есть лишь одно “орудие” жизненного служения — это литература.

“Теперь передо мной долгий путь, туманный, мгlistый, из которого мне, пожалуй, не выбраться, — писал Короленко о своих ощущениях того времени и задавался вопросом: “Действительно ли я революционер?” И сам себе ответил: “Одним словом, честность перед собой заставила меня сознаться, что я не революционер”, — и Короленко вскоре станет писателем, выбрав путь служения слову и нравственности. Показательно, что этот последний очерк в своей жизни писатель закончил вот такими словами с описанием пейзажа, который не зря всплыл в памяти человека, которому оставалось жить три с половиной месяца: “А я со своей пилой пошёл луговыми дорогами, и передо мной, на фоне всходящей луны, уже заливавшей ту сторону, рисовалась тёмным силуэтом острая колокольня амгинской церкви” (Неизданный Короленко. Публицистика. 1919–1921. С. 310–311, 314).

Смерть писателя 25 декабря 1921 года потрясла Полтаву, и эта новость быстро разлетелась по стране. “Три дня Полтава прощалась с Короленко, — вспоминала о тех днях Софья. — Двери нашего дома стояли настежь с утра до ночи. Не было ни распорядителей, ни почётного караула, никто не направлял движения непрерывного людского потока. Но тишина и порядок не нарушались.

Прощалось с отцом всё население Полтавы — от школьников до стариков из инвалидных домов, люди всех званий, профессий, возрастов, положений. По просьбе матери представители власти не вмешивались в руководство похоронами. Вместе с тысячами приходивших к гробу прошли и члены Полтавского исполкома, и приехавшие из Харькова представители Совнаркома и Наркомпроса Украины. Просьба матери о том, чтобы не произносилось речей, была исполнена.

Мы вернулись в опустевший дом, в кабинет, где всё полно им, но где уже никогда не будут написаны страстные строки, никогда не зазвучит его голос лаской и ободрением” (Короленко С. В. Книга об отце. Ижевск, Удмуртия, 1968. С. 360-361).

День похорон был объявлен в Полтаве траурным. Более ста тысяч жителей города и окрестных сел, приезжих из других мест провожали в скорбный путь любимого писателя и защитника. Как писал об увиденном А. В. Пешехонов к А. Г. Горнфельду, “похороны были гражданские. Вообще — никаких

паницид... Устраивал похороны комитет из профессиональных и рабочих организаций... Красноармейские части были без оружия. Народу на похоронах было бесчисленное множество. Музыку, которая шла впереди около гроба, совсем не было слышно. А с боков и сзади напирали такие массы, что сдерживать приходилось с невероятными усилиями.

Речей — по желанию семьи — на могиле не было... Гроб — дубовый, без обивки — поставили в цинковый ящик и запаяли оловом. Тут же на кладбище сделали надпись: В. Короленко” (*Летопись жизни и творчества*. С. 230).

Украинский Совнарком, как свидетельствовал Пешехонов, тогда постановил: издать сочинения Короленко на русском и украинском языках, устроить в Полтаве Дом писателей имени Короленко, поставить ему там памятник, присвоить его имя библиотеке и училищу слепых в Харькове, пожизненно обеспечить семью писателя. Парадокс, но власть, которую сильно и бескомпромиссно критиковал Короленко, не могла в силу его очевидных заслуг и невероятной популярности не увековечить память о писателе, хотя, как показало время, не всё оказалось исполнено, и главное, многие труды писателя, в том числе его “Письма к Луначарскому”, ждали почти 70 лет, чтобы дойти до россиян...

Значение смерти писателя лучше и точнее всего было оценено, пожалуй, в некрологе, опубликованном в петроградской писательской газете: “Русская литература осиротела. Умер последний из тех, кто, стоя в её рядах, стоял над нею... Для нас он больше, чем писатель: он был живой совестью литературы, воплощением её достоинства, её жизненной значительности, её чести... Каковы бы ни были испытания, легче было жить при мысли, что где-то вблизи на нашей земле жив этот брат, живёт и действует, и противится злу, не пророк, но возвеститель нового завета, не отвлечённый проповедник, а деятельный и деловитый поборник правды, всегда готовый встать на её защиту...” (*Летопись Дома литераторов*, 1922, № 1-2, 15 января).

Короленко суждено было прожить почти 68 с половиной лет, а около 8 последних лет его жизни совпали со временем невиданных потрясений, которые выпали России — мировая война, две революции, гражданская война, смены властей, экономическая разруха и голод. И все эти испытания писатель пропустил через свою тревожную душу, показав, что нравственные заветы русской классической литературы не только живы, но и действенны, если стараться воплощать их в жизнь собственным примером милосердия, жертвенности и заступничества.

Знакомство сегодня с публицистикой, дневниками и письмами В. Г. Короленко последних лет жизни, его активной общественной деятельностью на ниве милосердия и защиты интересов людей не может не поражать жизненным подвигом этого яркого представителя русской классической литературы и явной созвучностью его идей нынешней действительности. И дело здесь не только во всё более наглядной сопоставимости эпохи “социальных бурь” начала века и периода сегодняшнего переустройства общества, их схожести по драматическому накалу, ломке устоявшегося и опасности избранного пути. В созвучности публицистики писателя и современности многое объясняется также его удивительной прозорливостью и чрезвычайной точностью анализа исторических событий с точки зрения вечно живых ценностей нравственности, справедливости и патриотизма.

В своих статьях революционных лет Короленко, как бы перекидывая мостик в наше время, писал и о гласности, и о милосердии, и о горестных судьбах беженцев, разбросанных по просторам России, и о судьбах капитализма, и даже о... перестройке. В неопубликованной статье “Что такое революционный порядок” (1917), сравнивая общество с домом, он размышлял о ситуациях, когда “дом поздно уже чинить, а надо перестраивать до основания, а на его месте построить новый... Бывает и так, что перестройку приходится делать не в отдельном здании, а в целом городе, даже в целом обществе, правители которого своевременно не заботились об его обновлении и довели до того, что общественный строй начинает валиться сам собой. Тогда и приходит то, что называется революцией”. В другом месте той же статьи он писал: “Революция, если она действительно революция, а не простое буйство и мятеж, есть не что иное, как перестройка всего общественного здания” (*ОР РГБ*, ф. 135/1, к. 17, д. 989, л. 1-3).

Боль и скорбь вызывало у писателя происходившее в стране в те дальние годы разжигания межнациональной розни, особенно опасное на фоне роста “взаимной вражды”. Это разжигание, как и сегодня, протекало тогда часто в форме злонамеренных нападков на Россию и русский народ, повинных якобы в бедствиях других народов, и Короленко неоднократно вставал на защиту русских от явной клеветы. В одном из черновых вариантов статьи “Не раздувайте вражды”, выступая против признания на Украине государственным украинского языка и ущемления тем самым “права языков” меньшинства, он резко осуждал высказывания, будто “хлеба на Украине не стало потому, что Украину высасывает Россия”. Неправда, подчёркивал писатель, что “Россия, вся Россия, которая томится и голодает, непрошено, как паук или вампир, высасывает Украину и Сибирь... Не раздувайте вражды. Россия, охваченная большевизмом, <...> никогда не была баловнем политических судеб ни при царях, ни при большевизме и никогда не была пауком, высасывающим Украину-пасынка в пользу балованных якобы детей царизма... .

Не раздувайте вражды между двумя братскими народами, триста лет делившими долгое горе рабства и радости кратких минут освобождения” (ОР РГБ, ф. 135/1, к. 17, д. 1003, л. 3).

Короленко повторял своим соотечественникам: “Не раздувайте вражды!” И этот призыв, как дальнее горное эхо, спасительным ветром надежды и успокоения доносится до нас сегодня, в период, когда страна только-только поднимается из пучины смуты, раздора и вражды. Писатель ещё и ещё раз напоминает нам, что выход из создавшегося положения есть. И заключён он в утверждении истинного патриотизма, в достижении простой, казалось бы, цели — “поставить интересы всего населения выше партийной борьбы”. “Когда этот здоровый и широкий истинно гражданский мотив, — писал он в одной из статей, — обобщится настолько, что станет не только местным, но и общим, то есть когда над партиями и их борьбой встанет идея общего отечества, просветлённая борьбой за свободу и тяжкими испытаниями; когда все классы научатся проверять свои требования и в случае надобности подчинять их мысли об общих интересах отечества, тогда можно будет сказать, что в России начинается выздоровление. Сознание отечества будет первым пробником здорового революционного сознания, затемнённого бредовым кошмаром последних дней”.

И спустя почти 100 лет ключевая статья Короленко революционного 1917 года “Война, отечество и человечество” звучит весьма злободневно. Почти тот же загадочный “сфинкс” глядит теперь в глаза русскому народу на дороге к его близкому будущему”, “глядит и задаёт вопросы, и говорит: “Разгадывайте сообщу... а не найдёте общей разгадки, погибнете”. А вопросы эти всё те же: об удивительной одухотворяющей силе патриотизма, в условиях “подъёма” которого “народ способен творить чудеса”, о значимости общечеловеческих ценностей, которые не должны, однако, затмевать собою интересы Отечества и наносить ему урон, о необходимости всегда быть наготове к защите Родины, о недопустимости развала армии, заражения её бациллой “демократии раздора” и т. д.

И как тревожно нам, современникам нынешних изменений, перенесших не только “новые строительные леса”, но и новые “разломы” в нашем общественном здании, читать ныне заключительные строки статьи Короленко об исключительной опасности анархии, которая может обрушиться на нас сегодня почти так же, как она надвигалась на Россию в 1917 году. “В прямом смысле это — безвластие, — писал об анархии Короленко. — Это потеря страной того руководящего центра объединяющей всенародной воли, который придаёт стройность и живое единство всем отдельным стремлениям. Стоит ему исчезнуть окончательно, стоит утвердиться губительной мысли, что родина не нужна, что она не дело всего народа, а только дело каких-нибудь классов, — и жизнь всей страны повернёт назад. Вместо трудной и великой работы творчества новой жизни начинается простой распад. Сначала на области, потом на сословия и классы по отдельным, ничем не согласуемым интересам... За этим следует междоусобие, а за ним — простая разнузданность худших инстинктов, открытый взаимный грабёж и разбой”.

Непримиримая критика многого из того, что происходило в годы революционной смуты в России, объяснялась твёрдой позицией писателя в отстаивании идеалов нравственности и справедливости. Своему старому знакомому

по Нижнему Новгороду, доктору В. Н. Золотницкому Короленко писал 26 марта 1921 года: “Моё отношение к некоторым сторонам того, что теперь происходит, объясняется не моей излишней мягкостью и не моим слабодушием... а моим глубоким убеждением, что этим путём нельзя достигнуть поставленной цели...” (*Летопись жизни и творчества*. С. 194). “Вообще форма будущего общества ещё не готова, — писал Короленко С. Д. Протопопову 22 июня 1920 года, — и она будет результатом долгой органической борьбы, причём разные формы будут рождаться, бороться за своё существование, исчезать, заменяясь новыми, и т. д. И только в результате такой свободной борьбы человечество будет менять формы своей жизни. Что значит: нужно переродиться? Нужно не переродиться, а постоянно перерождаться, так как процесс этого перерождения бесконечен, по крайней мере, так же, как и сама жизнь. Кризисы и потрясения вызываются искусственной задержкой этого процесса...” (*Протопопов С. Д. Материалы для характеристики В. Г. Короленко // Былое*, Пг., 1922, № 20. С. 8).

Короленко выразил в этих словах свои взгляды на бесконечность движения жизни через борьбу различных устремлений и признание её величайшей ценности в каждый отдельный момент времени. С этой точки зрения человеческая жизнь имеет огромную самостоятельную ценность всегда, даже в момент самой ожесточённой борьбы. Эту ключевую мысль, как будто в предчувствии будущих грозных событий, он записал на в своём дневнике ещё в 1887 году: “Боритесь с идеями, но не осмеливайтесь забывать человека в вашем враге...” При этом Короленко постоянно говорил “о необходимости уважать народную веру, и что это уважение (веротерпимость) есть один из основных догматов и наших убеждений”.

Актуальность публицистики, идей и взглядов Короленко для дней нынешних вообще поражает. И не потому только, что писатель обращался к таким животрепещущим темам современности, как земельный вопрос, противостояние природной стихии, хлынувшей в брешь междуусобиц, укрепление федеральной власти, искоренение “социальных неурядиц”, сочетание интересов центра и интересов местных самоуправлений, экономический подъём. Главное заключается в уверенности писателя, что все невзгоды и трагедии можно перебороть, если видеть перед собой маяки истины, нравственности и служения интересам своего Отечества. “Для России возврат к прошлому немислим, — отмечал он в “Письмах из Полтавы”. — Если она будет жить, то будет жить только демократической свободной жизнью. Не подавлять самостоятельность областей, а вызывать её к жизни и координировать в единую сознательную государственную работу — вот истинная задача ближайшего будущего”.

Писатель был уверен, что выход из создавшегося положения — в “единстве” мысли, воли и веры народов, населяющих Россию, которая должна быть “прочнее и сильнее соображений ближайшей практической пользы...” “Русская душа жива, конечно, но это — жизнь беспозвоночных, это организм без костяка, мягкотелый и неустойчивый, без силы сопротивления вихрям психической непогоды”, — писал Короленко и призывал народы России к твёрдости и вере в великое будущее своей Родины.

Совокупность общественно-политических и экономических взглядов писателя, выраженных в его публицистических статьях 1917–1921 годов, свидетельствует, что В. Г. Короленко можно отнести к одной из самых малочисленных групп среди мыслителей России XIX–XX веков, которая отстаивала гармонию государственных интересов и демократических свобод, патриотизма и личных интересов граждан.

Писателю удалось избежать двух крайностей русской общественно-политической мысли, которые, по сути, определяли развитие России на протяжении нескольких веков: охранительно-консервативной мысли, не признававшей демократических устоев и свободного волеизъявления народа и ставившей любые интересы общества в подчинение интересам сильного государства, и революционно-нигилистической мысли, отвергавшей вековые устои, патриотизм и, в конечном счёте, экономические и демократические свободы.

К Короленко и его взглядам можно применить необычные для российской политики словосочетания: государственный-демократ, патриот-демократ, демократ-почвенник. Необычность таких сочетаний и определяет уникальность взглядов писателя, которые в упрощённом, схематичном виде можно было бы выразить следующим образом:

1) идея “общего Отечества”, интересам которого служит “всё население” страны;

2) демократические права и свободы граждан, которые не должны идти вразрез с задачами сохранения и укрепления единого и сильного государства;

3) широкое развитие местного самоуправления;

4) свобода экономической деятельности населения с регулированием её основ государством;

5) нравственное здоровье общества, свобода совести и вероисповеданий.

На сегодняшний день в России сложился довольно-таки устойчивый и опасный стереотип, что человек, которого по своим взглядам можно назвать патриотом, государственнымником, не может быть сторонником демократии и политических свобод. Однако именно в гармонии этих устремлений, видимо, и заключается возможный выход России из затянувшегося кризиса. Совсем не мешало бы тем, кто сейчас находится у “руля” российского государства, обратиться к публицистическим произведениям В. Г. Короленко и почерпнуть оттуда спасительные рецепты того, как сохранить и укрепить Россию.

Мы и сегодня можем согласиться со словами писателя: “По-видимому, теперь много ошибок уже создано, и из них главная: непризнание важности Отечества”. “Загипнотизированные пошлого расхожего “патриотизма”, мы отвергли и всякий патриотизм во имя будущего единого человечества. За это приходится всей России платить”. И не случайно писатель сразу после раскатов Февральской революции вспомнил слова Петра Великого накануне Полтавской битвы: “А о Петре ведайте, что ему жизнь недорого. Была бы жива Россия”.

“Что будет впереди? – спрашивал писатель в те дни граждан Полтавы. – Над Отечеством мрачные тучи. Предстоит много трудностей. Но Родина теперь одна и сильна, и потому она справится со своими трудностями. Надо помнить одно: была бы жива Россия!”

Да, мы должны найти в себе силы не потерять окончательно единое, связующее всех нас начало, не скатиться в пропасть вражды и междоусобицы. Неужели недостаточно уже того, что “пройдено и пережито”, неужели мы опять не услышим те грозные предупреждения, которые приходят к нам сквозь ушедшие десятилетия? А ведь всех нас ждёт пока ещё не востребованная в полной мере “трудная и великая работа творчества новой жизни”, жизни во благо великого Отечества и его многомиллионных сынов и дочерей. . .

Последние годы жизни Короленко, совпавшие с самыми жестокими и трагическими испытаниями России в период революционной смуты, его смелое и бескомпромиссное поведение, проявленное во время бесконечной смены властей, его постоянное заступничество за жертв революции с самых разных сторон, в том числе с риском для жизни, его помощь военнопленным, детям и голодающим могут в своей совокупности свидетельствовать о том, что писатель совершил в эти годы, повторим это ещё раз, настоящий гражданский подвиг. Он высоко пронёс то самое “знамя милосердия и добра”, которое поднимала русская классическая литература, но которое на деле, в непосредственной жизни, при самых тяжких обстоятельствах и событиях, удерживали совсем немногие мастера слова. Короленко – один из немногих знаменитых писателей России, кто в годы революционной смуты не менял своих взглядов, не шёл на службу той или иной власти, критикуя все без исключения режимы, и не эмигрировал из страны, хотя имел такую возможность. Он всегда оставался независимым и непреклонным, не боясь даже того, что он мог быть арестован или стать заложником. Пример его жизни на склоне лет навсегда останется примером человеческой стойкости и верности высокому идеалу.

Знакомство с последними дневниковыми записями и письмами Короленко показывает, что и в последние месяцы своей жизни, несмотря ни на какие личные тяготы и происходившие исторические катаклизмы, писатель продолжал считать себя оптимистом, верил в счастливую судьбу своей родной земли. Это своё мироощущение Владимир Галактионович прекрасно выразил в письме к М. Горькому 18 сентября 1916 года, когда “грозное” будущее только надвигалось: “Да, жизнь стала очень трудна, говоря вообще. У каждого, конечно, при этом свои оттенки. Порой личные обстоятельства или скрашивают, или ещё отягчают общую атмосферу, но и над горем и радостью стоит одна туча, приглушающая радость, усиливающая горе. Когда-то, работая над старыми делами балахнинского магистрата, в архивной башне, я спрашивал

себя: как люди могли жить в это тёмное время, с дыбами, кнутами, пыткой и таким страшным неправосудием. А вот – мы живём. И конечно, надо было жить тогда, надо жить и теперь, чтобы когда-нибудь, когда на нынешних могилах зазеленеют трава и цветы, люди опять спросили: как они могли пережить это ужасное время?”

Да, “надо жить и теперь”, жить, помня “ужасные времена” и не допуская того, чтобы новая “туча, приглушающая радость, усиливающая горе” вновь затмила собой небосклон. Для этого нужно, прежде всего, жить по законам “мудрости, любви и добра”, завещанным нам выдающимися деятелями отечественной культуры, пронесшими эти заветы, как негасимые свечи, сквозь ветра жизни. В числе наших духовных учителей должно светиться и имя Владимира Галактионовича Короленко. Как ни искажался его облик, он доходит теперь до нас в очищенном виде. И, пожалуй, нам придётся признать правоту предвидения, сделанного А. В. Луначарским сразу же после смерти писателя: “Тот дух великого миролюбия и братолюбия, которым был полон Короленко, он-то, конечно, переживёт всех нас, и ему отпразднуется триумф, когда придёт его время”. Время это приходит...